

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 56



УДК 81
ББК 81
Я410

*Печатается в соответствии с решением редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Редколлегия выпуска:

доктор филол. наук Е.Л. Бархударова, доктор филол. наук И.А. Бубнова,
доктор филол. наук И.В. Зыкова, доктор филол. наук А.И. Изотов,
доктор филол. наук В.В. Красных, доктор филол. наук Е.Ю. Мягкова

Рецензенты:

доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор *Ю.Е. Прохоров*,
доктор педагогических наук, профессор *В.В. Молчановский*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их
безгонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2017. –
Вып. 56. – 108 с.

ISBN 978-5-317-05489-2

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации
как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также
наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется
национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов,
коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных
сотрудников.

УДК 81
ББК 81

Language - Mind - Communication. Issue 56 / Krasnykh, V.V.; Izotov, A.I. (Eds). -
Moscow: MAKS Press, 2017. - 108 p.

The present issue includes articles which consider the most important problems of
Russian studies, lingual-cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics and language
teaching.

Keywords: Russian studies, English studies, sociolinguistics, psycholinguistics, lingual-
cultural studies, idiom, corpus analysis; lexicography.

ISBN 978-5-317-05489-2

© Авторы статей, 2017

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ЛИНГВИСТИКА

- Фролова О.Е.* Манипуляция или мнение4
- Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета: стилистические функции терминов цвета в разных дискурсивных средах14
- Филиппова М.М., Новоселова А.А.* Лингвистический анализ заголовков журнала «Time»27
- Мироненко Е.А.* Рифмованный сленг кокни в свете лингвокультурологического анализа41
- Щенникова Е.В.* Тематическая группа «наименования преступников» в обыденном представлении48

ЛИНГВОПОЭТИКА

- Изотова А. А.* Метафорика «слова», «музыки» и «тишины» в романе В. Вульф «Между действиями»58
- Изотова А. А.* Индивидуально-авторские концепты «дерево», «цветок» и «птица» в романе В. Вульф «Миссис Дэллоуэй»65

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Изотов А.И.* Стилистика чешского языка: рабочая программа учебной дисциплины73
- Изотов А.И.* История чешского языка: рабочая программа учебной дисциплины83
- Изотов А.И.* Теоретическая фонетика чешского языка: рабочая программа учебной дисциплины92
- Кульпина В.Г.* Программа по польскому языку для аспирантских групп исторического факультета (курс по выбору)104
- Авторы выпуска / Authors110

МАНИПУЛЯЦИЯ ИЛИ МНЕНИЕ

О.Е. Фролова

MANIPULATION OR OPINION

O. Frolova

ABSTRACT:

This article discusses methods of speech manipulations in the media. Fragments of radio programs are analyzed, in which the authors refer to historical events and other areas of scientific knowledge. The authors incorrectly treat the terms, for example, use the word "Orthodox" instead of the term "Christianity". The relationship of the Russian orthodox church and the secular authorities are interpreted as the same throughout the entire historical period: from the adoption of Christianity to the early 21st century. The authors use modus verbs of opinion and knowledge, presenting the results of scientific research as an opinion which is not subject to verification. Author's assessment of historical events is contrary to what appears in the encyclopedic sources. Character of control is assessed on the basis of peripheral functions and contradictions encyclopedic sources

Keywords: media manipulation, science, verification, evaluation, modus opinion, a mode of knowledge

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются приемы речевого манипулирования в СМИ. Проанализированы фрагменты радиопередач, в которых авторы обращаются к историческим событиям и другим областям научного знания. При этом авторы некорректно обращаются с терминами, например, употребляют термин "православие" вместо "христианство". Отношения церкви и светской власти интерпретируются как неизменные на протяжении всего исторического периода: с принятия христианства до начала 21 века. Авторы употребляют модусные глаголы мнения и знания, представляя результаты научного знания как мнение, которое не подлежит верификации. Авторская оценка исторических событий противоречит той, которая представлена в энциклопедических источниках. Вывод о характере правления государственного деятеля противоречит энциклопедическим источникам и делается на основании периферийных признаков.

Ключевые слова: СМИ, манипуляция, наука, верификация, оценка, модус мнения, модус знания

Один из самых распространенных упреков в адрес средств массовой информации – подозрение в манипуляции общественным мнением. Распознавание манипуляции требует от зрителя, слушателя или читате-

ля особых навыков вдумчивого, критического отношения к сообщаемой информации, своеобразной гигиены адресата.

Значение существительного *манипуляция* в толковых словарях и словарях иностранных слов объясняется следующим образом: «1. Сложный прием, сложное действие над чем-л. при работе руками || *обычно мн.ч.* Вообще ряд действий движений (преимущественно руками), совершаемых с определенной целью <...> 2. *Цирк* Показ фокусов, основанных на ловкости рук, на быстроте и точности движений кистей и пальцев. 3 *перен. разг. пренебр.* Ловкая проделка, махинация 4 *тех* Действие манипулятора (в 3 знач.) [МАС 2: 226]; «2. *перен. неодобр.* Прodelка, махинация» [Крысин 1998: 413]. В более позднем словаре у слова *манипуляция* выделяется специальное значение «4. Способ, приём действия и т.п., служащие для достижения каких-л. целей путём представления кого, чего-л. в искажённом виде. *Манипуляция общественным мнением. Идеологические манипуляции*» [БТС 2002: 519]. Как видно из толкования, сема лжи включается в зону семантизации.

Манипуляция в общественной и частной коммуникации – предмет исследования психологов и лингвистов [Берн 2014; Блакар 1998; Болинджер 1998; Вайнрайх 1998; Доценко 1997; Иссерс 2009; Лакофф, Джонсон 1998; Левин 1998; Копнина 2007; Николаева 2001; Паршин; Шостром]. Манипуляция определяется как некорректное речевое воздействие [Паршин], отмечаются такие ее признаки как скрытый характер, неравенство коммуникантов – манипулятор занимает более высокую позицию по отношению к адресату, в ряде случаев агрессивность [Доценко 1997; Копнина 2007].

Манипуляцию как лингвистический феномен определяют как «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина 2007: 25].

Поскольку у высказывания есть план выражения и содержания, манипуляция может отражаться на денотативном и сигнификативном, смысловом уровнях, а также в подборе и организации вербальных средств. Это коррелирует со способами искажения истины, описанными И.Левиным [Левин 1998].

Наша цель — проанализировать манипулятивные приемы применительно к способам конструирования внеязыковой ситуации и выбору языковых и речевых средств. Материалом являются публицистические программы радио «Эхо Москвы», размещенные в виде звуковых и текстовых файлов на сайте радиостанции.

В передаче от 11.09.2016 М. Веллер рассуждал о роли церкви в современном российском обществе.

(1) *Что касается клерикализации власти. Понимаете, государству нужен отдел государственной идеологии. Православие возникло в России, тогда Киевской Руси как отдел идеологии под рукой киевского князя. И с тех пор его сущность государственная не очень менялась.*

В данном фрагменте вызывают сомнение несколько экстралингвистических моментов и организация лингвистических средств: а) момент возникновения православия; б) подчиненность церкви светской власти; в) неизменность роли и влияния церкви в русской истории; г) выбор номинаций. Необходимость прояснения данных позиций требует обращения и к лингвистическим, и к энциклопедическим источникам.

Выбор термина *клерикализация* представляется нам или неточным, или манипулятивным. Данное слово отсутствует в БТС, однако в данном словаре приведено существительное *клерикализм*, толкуемое как «Политическое направление, добивающееся первенствующей роли церкви и духовенства в общественной, политической и культурной жизни общества» [БТС 2002: 432]. Неточность выбора слова заключается в том, что в эпоху Средневековья связь церкви и власти была очень тесной, собственно, клерикальной и для сравнения средневековой и современной ситуаций требуется привести внятно сформулированные основания.

Согласно словарям, «Православие – одно из основных и старейших направлений в христианстве. Возникло с разделением в 395 г. Римской империи на Западную и Восточную. Богословские основы определились в Византии в IX-XI вв. Окончательно сложилось как самостоятельная церковь в 1054 г. с началом разделения христианской церкви на католическую и православную» [БЭС 1997: 952; ТЭС 2006: 1412]. Википедия отмечает факт схизмы 1054 г. Само слово *православие* может быть датировано в русских источниках XIV в. [Википедия]. По-видимому, М. Веллер имеет в виду крещение Руси, произошедшее в 988-89 г. (см. [БЭС 1997: 593]). Таким образом, термин *православие* также оказывается неточным, корректнее говорить о принятии христианства.

Метафорическое определение православия как *отдела идеологии под рукой киевского князя* также неточно с исторической точки зрения. Русскую православную церковь после крещения возглавляли «митрополиты, подчинявшиеся Константинопольскому патриарху» [БЭС 1997: 1040]. С 1448 г. Русская православная церковь получает автокефалию (см. [БЭС 1997: 13]). В 1589 утвержден, в 1721 при Петре I упразднен

институт патриаршества [БЭС 1997: 1040]. Следует заметить, что после церковной реформы Петра I обер-прокурор, возглавлявший Священный Синод, был не духовным, а светским лицом (см. [БЭС 1997: 824]. После восстановления института патриаршества в 1917 г. в январе 1918 церковь была отделена от государства, и духовенство подверглось репрессиям [БЭС 1997: 1040]; в 1921 г. возникла Русская православная церковь за рубежом [ТЭС 2006: 1557].

Изменение меры самостоятельности церкви по отношению к византийскому патриарху, получение статуса автокефальной церкви, острый конфликт патриарха Никона с царем Алексеем Михайловичем в 17 в., раскол, учреждение, отмена и возврат института патриаршества не позволяют нам согласиться с тем, что роль Русской православной церкви оставалась неизменной по отношению к светской власти. Выражение, к которому прибегнул М. Веллер, *Православие возникло в России, тогда Киевской Руси* неточно не только в употреблении термина *православие*, но и в отсутствии оговорок, касающихся несовпадения границ Киевской Руси и России.

Обращение к энциклопедическим источникам свидетельствует о некорректности публициста как по отношению к плану содержания, так и к плану выражения. Поскольку в примере 1 наблюдается высокая концентрация неточностей, касающихся исторического знания, доступного в разнообразных «бумажных» и электронных ресурсах, данный пример мы интерпретируем как манипуляцию историей.

Апелляция к научному знанию – один из распространенных приемов современной публицистики. Однако, существенно различие, когда подобное обращение является а) целью, т.е. речь идет о научно-популярных текстах; б) средством, инструментом в аргументации, или в) предметом интерпретации или актуального комментария, когда адресант выражает свое отношение к тому или иному научному явлению, не являясь специалистом в данной области знания. Анализ подобных примеров затруднен и для лингвиста, поскольку его профессиональная сфера также не затрагивает содержания случаев, почерпнутых из других дисциплин. Поэтому при разборе таких текстов мы вновь обращаемся к энциклопедиям.

Пример 2 является фрагментом из передачи Ю. Латыниной 11.02.2017 г. и связан с дискуссиями вокруг избрания новым президентом США Дональда Трампа.

(2) В Америке был президент, который был избран на 4 подряд срока, который умер на своем посту, как обычно умирают диктаторы. Который очень жестко разбирался со СМИ – в его время не было телевизоров, в его время было радио, и радио, которое было против него, очень трудно ему было получить лицензию. А газеты, которые были

против его, руководители этих газет могли сесть за всякие налоговые шашни. Этот президент жестко сломал свободу, которая до этого существовала в Штатах, и с помощью программ федерального распределения средств присвоил себе гораздо больше власти. Этот президент в конечном итоге, когда стало ясно, что меры по огосударствлению экономики, которые он предпринял, не помогают экономике и когда ему хотелось у власти, сделал так, что Америка оказалась втянута в мировую войну. И никогда против этого президента, которого звали Рузвельт, никогда левые не протестовали. Вот, я пытаюсь понять: неужели, президент Трамп, действительно, больше угроза американским свободам, чем, скажем, был президент Рузвельт?

Публицист сопоставляет деятельность тридцать второго президента США Франклина Делано Рузвельта (1882-1945) и сорок пятого президента Дональда Трампа. Автор описывает внутреннюю политику США во время президентства Рузвельта, получившую название *Нового курса* (см. [ТЭС 2006: 1199]) и характеризовавшегося усилением регулирования в экономике и банковской системе страны, а также рядом мер в социальной сфере. Во всех трех рассмотренных нами энциклопедических источниках [БЭС 1997; ТЭС 2006; Википедия] нет отрицательных оценок деятельности Рузвельта, напротив, все источники отмечают его важную роль в антигитлеровской коалиции, помощь США, оказанную Советскому Союзу, хотя Википедия и упоминает о его выжидательной позиции по поводу открытия второго фронта. Нейтральная или положительная оценка деятельности Рузвельта энциклопедиями контрастируют с отрицательной оценкой Ю. Латыниной, выраженной фразами *жестко разбирался со СМИ, жестко сломал свободу, которая до этого существовала в Штатах, когда ему хотелось у власти, сделал так, что Америка оказалась втянута в мировую войну*. Семантика наречия с отсылкой к статье прилагательного *жесткий* объясняется так: «2. Сурово, резко || выражая суровость, резкость; 3. Не допуская отклонений, строго» [БТС 2002: 304]. Тем не менее, автор приводит свои аргументы, упоминая действия Рузвельта в экономической сфере и в сфере регулирования деятельности прессы.

Чрезвычайно интересно сравнение Рузвельта с диктатором: *был избран на 4 подряд срока, который умер на своем посту как обычно умирают диктаторы*. В данном сравнении смерть во время исполнения президентских обязанностей сопоставляется с уходом из жизни диктаторов, что представляется не вполне обоснованным. Смерть на посту не может являться признаком диктаторского характера власти.

В приведенном отрывке о Рузвельте отсутствуют показатели предположительности и субъективного мнения. Автор делает вывод о том,

что Рузвельт своими действиями способствовал тому, что США вступила во Вторую мировую войну, поскольку стремился к расширению своей власти. Данный фрагмент, касающийся Рузвельта, труден в квалификации его как мнения или сознательной манипуляции: в пользу мнения говорит авторская аргументация, в пользу манипуляции – отсутствие модальных и модусных маркеров предположительности и субъективности, а также вполне однозначная интерпретация намерений тридцать пятого президента, сравнение Рузвельта с диктатором на шатком основании.

Второе сравнение, к которому прибегает автор, сопоставляет деятельность Рузвельта, чей политический и жизненный путь уже завершен, с первыми указами Дональда Трампа, который только приступил к исполнению своих обязанностей и тем не менее его действия вызвали массовые протесты в США. Поэтому, с одной стороны, сопоставляется разный по объему массив фактов, или же с другой, – факты и прогнозы. Однако Ю. Латынина в этом случае оформляет сравнение не как утверждение, а как вопрос: *неужели, президент Трамп, действительно, больше угроза американским свободам, чем, скажем, был президент Рузвельт.* Уместность данного сравнения автор объясняет отсутствием в 1930-40-е и наличием массовых протестов в США и в начале 2017 г. Второе сопоставление мы считаем манипулятивным, поскольку трудно сопоставим объем фактического материала, а также вызывает сомнения основание сравнения.

Третий приводимый нами пример вновь заимствован из передачи М. Веллера от 11.09.2017 и касается широко обсуждавшегося в сети высказывания детского омбудсмена Анны Кузнецовой о том, «что количество сексуальных партнеров женщины влияет на вероятность рождения ребенка с отклонениями» [Детский омбудсен...].

(3) А вот еще вопрос возник в связи с Анной Кузнецовой о так называемой телегони. То есть, если девушка имела уже с кем-то интимные отношения, то потом, так или иначе, в ее последующей интимной жизни на ее будущих детях это, так или иначе, скажется. Вот об этом можно сказать несколько слов. В основном считается, что современная наука отрицает целиком и полностью эту антинаучную точку зрения. С генетикой это не согласуется. Знали мы времена, когда и генетика была лженаукой. Знали мы времена, когда генетики не было вообще. Знали мы времена, когда эволюция была не по Дарвину, а по Ламарку, и знали времена, когда вообще не было никакой теории эволюции и представления о ней в течение многих тысяч лет.

К таким вещам нужно относиться как минимум осторожнее. Вот официальная аллопатическая штурмовая медицина гомеопатию отрицает. А много серьезных, умных, опытных врачей гомеопатию отнюдь не отрицают. <...> Есть люди, которые говорят: это ничем не отличается от эффекта плацебо, вот внушение – это никак не сказывается... Сказывается, граждане. Это существует десятилетия и века. Масса людей исцелилось. К гомеопатии надо относиться серьезно.

Так вот, что касается телегонии. Известно, что если малочисленная группа этническая какая-либо одного народа в течение ряда поколений живет в среде этнически иного народа, ну, например, в среде китайцев — европейцы, или в среде черноволосых, смуглых кавказцев — альбиносы с севера, то неким образом через сколько-то поколений, они начинают приобретать черты вопреки, казалось бы, генетике, которые их несколько роднят с окружающими. Генетически это необъяснимо, но на самом деле, поле существует. Вот существует ген, который сугубо материален, и существует поле, которое трудно называть материей, но это все равно энергоматериальная субстанция.

Данный пример касается планов содержания и выражения. Объяснение значения термина *телегония* М.Веллер строит с упоминанием позиции науки: *современная наука отрицает целиком и полностью эту антинаучную точку зрения*. Действительно, толкование значения данного термина в Википедии именно таково: «опровергнутая и устаревшая биологическая концепция, существовавшая в XIX веке, утверждавшая, что спаривание с предшествующими, а особенно с самым первым сексуальным партнёром существенно сказывается на наследственных признаках потомства женской особи, полученного в результате спаривания с последующими партнёрами. С позиций современной науки данное представление — предрассудок, суеверие, заблуждение, которое не подтверждается экспериментальными исследованиями и не совместимо с известными механизмами наследственности. Телегония признавалась в СССР в 1940—1950-х годах во времена господства лысенковщины» [Википедия]. (В БЭС и ТЭС термин *телегония* не представлен).

Автор ссылается на позицию биологов и генетиков, вводя ее с помощью модусной рамки мнения *в основном считается*, которая может интерпретироваться как дистанцирование говорящего от содержания высказывания. Для нас важно, что модус мнения, с логической точки зрения, не подлежит проверке высказывания на истинность/ложность. Таким образом, область научного знания, особенностями которого являются верификация методик исследования и результатов, представлена

как сопоставление различных взглядов на проблему, каждый из которых имеет право на существование.

Напротив, совершенно иначе построено рассуждение автора о генетике. Данный фрагмент описывает ситуацию не последовательного завоевания генетикой своих позиций, то есть обретения статуса области научного, верифицируемого, знания, а как некоего блуждания. В этом случае автор прибегает к четырежды повторенной конструкции с глаголом *знать* и субъектом, выраженным инклюзивным *мы*, в который входит и сам говорящий. Особенность модусного глагола *знать* заключается в том, что он вводит принципиально верифицируемую пропозицию. Действительно, описываемые периоды в истории генетики имели место в действительности, но автор сообщает о них в инвертированном порядке, двигаясь не к современному состоянию, а уходя в глубь веков. Именно этот пассаж представляется нам манипулятивным, поскольку автор сознательно размывает область верифицируемого результата и методик, представляя генетику как область знания, которая не может претендовать на статус науки. При этом характер ввода информации об *относительности* генетики совершенно иной, чем касающийся телегонии. Особенность анализируемого фрагмента в том, что автор, не будучи специалистом в генетике, сознательно уходит от прямой формулировки: *учеными еще не получены достоверные результаты о том, что...* Напротив, фрагмент сконструирован таким образом, чтобы вызвать у адресата недоверие к научному знанию, поскольку развитие науки описывается как блуждание, а современное состояние исследования проблемы как мнение.

Наконец, и в этом случае автор прибегает к сравнению, уподобляя телегонию гомеопатии, антинаучность которой была признана в феврале 2017 г. Комиссией РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований¹. В этом случае М. Веллер строит данный фрагмент текста как диалог сомневающихся с профессионалами, врачами, которые выступают как специалисты и эксперты в данной предметной области. При этом автор однозначно становится на сторону последних: *Масса людей исцелилось. К гомеопатии надо относиться серьезно.*

Итак, анализ примера 3 мы считаем манипулятивным, поскольку на экстралингвистическом уровне автор выходит за пределы своей профессиональной компетенции, избегая при этом маркеров дистанцирования от незнакомой предметной области в средствах выражения. Напро-

¹ Настоящий меморандум Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН (далее Комиссия) посвящен гомеопатии. Комиссия заявляет, что лечение сверхмалыми дозами различных веществ, применяемое в гомеопатии, не имеет научных оснований [Меморандум 2].

тив, современное состояние генетики вводится модусным глаголом мнения *считаться*, а статус генетики автор описывает с помощью глагола *знать*, предполагающего верификацию вводимой пропозиции.

Подведем итоги. Мы стремились показать, что апелляция авторов к историческим событиям или данным из различных областей научного знания является манипуляцией, если автор меняет модальный статус изображаемого, описывая его как возможное, добавляя новых участников и сопоставляя явления на шатком основании. Важную роль в создании манипуляции играют модусные глаголы знания и мнения, создавая зону неверифицированности или, напротив, показывая экстралингвистические области, проверяемые на истинность/ложность, играя категорией времени: представляя исторические периоды в инвертированном порядке.

Литература / References

1. Берн Э. Люди, которые играют в игры. М., 2014.
2. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1998. С. 88-125.
3. Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1998. С. 23-43.
4. Вайрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1998. С. 44-87.
5. Веллер М. Подумать только // [Электронный ресурс] URL: http://echo.msk.ru/programs/just_think/1835924-echo/ (выпуск 11.09.2016).
6. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. М., 1997
7. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. М., 2009. № 2 (18). С. 92-104.
8. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: Учебное пособие. М., 2007.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1998. С. 126-170.
10. Латынина Ю. Код доступа // [Электронный ресурс] URL: <http://echo.msk.ru/programs/code/1925848-echo/> (выпуск 11.02.2017).
11. Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 594-605.
12. Меморандум № 2 Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. О лженаучности гомеопатии. 7 февраля 2017 г. // [Электронный ресурс] URL: <http://klnran.ru/2017/02/memorandum02-homeopathy/>
13. Николаева Т.М. «Лингвистическая демагогия» мощное средство убеждения коммуниканта // Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000. С. 155-161.
14. Детский омбудсмен Анна Кузнецова верит в телегонию. Что это такое? — [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2016/09/09/detskiy-ombudsmen-anna-kuznetsova-verit-v-telegoniyu-chto-eto-takoe>
15. Паршин П.Б. Речевое воздействие // Кругосвет — [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html?page=0,4
16. Шостром Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. М. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/shost01>

С л о в а р и

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
- БЭС 1997 – Большой энциклопедический словарь. М., 1997.
- Википедия – [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
- (Православие – [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%B5>
- Рузвельт – [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D0%B7%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%82,%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D0%BB%D0%B8%D0%BD>
- Телегония – [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F_\(%D1%82%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F_(%D1%82%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F))
- Крысин 1998 – *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
- МАС — Словарь русского языка. В 4-х т. 3- изд. стереотип. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М., 1985-1988.
- ТЭС 2006 — Толково-энциклопедический словарь / Идея проекта Храбрый И.С. Автор концепции и рук. Проекта Снарская С.М. СПб., 2006.

ЛИНГВИСТИКА ЦВЕТА: СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ТЕРМИНОВ ЦВЕТА В РАЗНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ СРЕДАХ¹

В.Г. Кульпина

LINGUISTICS OF COLOR: COLOR TERMS' STYLISTIC FUNCTIONS IN DIFFERENT DISCOURS ENVIRONMENTS

V.G. Kulpina

ABSTRACT:

The article deals with the terms of color as very important component of language picture of the world. The paper focuses upon the specific features of color terms on the basis of comparative study of chromatic lexemes.

Keywords: color term, linguistic worldview, comparative analysis, Polish, Russian.

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются термины цвета в качестве чрезвычайно важного элемента языковой картины мира. Внимание в статье сосредоточено на особых признаках терминов цвета на основе сопоставительного анализа цветообозначений.

Ключевые слова: термин цвета, языковая картина мира, сопоставительный анализ, польский язык, русский язык.

Цветообозначения пронизывают всю систему языка, выполняя в нем самые разнообразные функции. Очевидно, что типы цветообозначений варьируют в зависимости от функциональной разновидности текста, в котором они выступают. Предметом этой статьи является рассмотрение на основе метода контрастного анализа употребления терминов цвета в польском и русском языках с целью выявления выполняемой ими роли и определения их места в языковых структурах разных функциональных стилей и выявления особенностей их функционирования в каждом из подстилей обоих языков.

¹ Статья является русской версией статьи «Остенсивные versus стилистические функции терминов цвета как центральная дихотомия лингвистики цвета», опубликованной в журнале *Stylistyka*, издаваемом по линии Польской академии наук и Института польской филологии Опольского университета (Республика Польша), см.: *Ostensywne vs. stylistyczne funkcje terminów koloru jako centralna dychotomia linguistyki barwy // Stylistyka XX*, 2011. S. 339–348 / Editor-in-Chief Stanisław Gajda (Opole).

В иерархии функций основное деление терминов цвета касается их онтологической функции и их менталитет-формирующей функции, функции создания ментальных миров. При этом очевидно, что исследовательский интерес языковедов всё больше смещается в направлении от онтологии цвета в направлении описания их роли в ментальных процессах.

Можно заметить, что в разного типа текстах и функциональных стилях на первый план выступают разные функции терминов цвета и разные их типы. В разных функциональных стилях термины цвета представлены неодинаково, они имеют разную дистрибуцию. Можно даже сказать, что за определенными языковыми регистрами закреплены разные функции терминов цвета. Можно также говорить о типичности или первоплановости для ряда языковых регистров определенных функций терминов цвета. С точки зрения реализации роли терминов цвета в функциональных стилях могут сближаться между собой разные функциональные стили и разные типы текстов. В связи с вышесказанным среди задач изучения цветообозначений в качестве особо актуальной ставится задача выявления и инвентаризации функций терминов цвета во всех типах текстов.

Отметим, что деление терминов цвета с точки зрения выполняемых ими функций не тождественно установлению их значимостей в пределах тематических блоков. Цвет как таковой существует лишь в распределении по тематическим зонам цветности. Назовем эти зоны: 1. человек в цвете: а) цветовые маркеры внешности человека, б) цветовые маркеры в презентации эмоционально-психического состояния человека, в) цветовые маркеры, участвующие в описании характера человека; 2. цветовые реляции в артефактной сфере; 3. цвет как маркер социальных отношений. 4. экзистенция цвета в сфере продуктов питания; 5. цвет в мире флоры; 6. цвет в мире фауны; 7. колористика природы.

Поясним, почему базовые исследования цвета могут быть осуществлены именно в пределах тематических зон. Очень важной с этой точки зрения представляется проблема нетождественности и непереложимости цвета и цветовых реляций между разными зонами цветности. Так, приведенные ниже лексические единицы внутри каждого из рассматриваемых языков *белая блузка* – *biała bluzka*; *белые воротнички* – *białe kołnierzyki*; *белое золото* – *białe złoto* (хлопок) (см.: [Bartwicka 2006: 94]), *белая смерть* – *biała śmierć* (сахар, соль, наркотики), *белый свет* (ср. у Высоцкого: *я от белого света устал*; фраз. *бродить по белу свету*) не образуют друг с другом каких бы то ни было осмысленных реляций.

Аналогично ниженазванные объекты *голубые глаза* – *niebieskie oczy*, *голубое платье* – *niebieska sukienka*, *голубой экран*, *голубой огонек* (название телепередачи), *голубая магистраль* (см.: [Bartwicka 2006: 93–94]), (так называют в России широкие и важные для народного хозяйства реки) голубые совершенно по-разному, если и вообще голубые (если цвет им вообще может быть приписан). Ведь *голубой экран* (вторичное перифрастическое название телевизора и телевидения) не столь уж и голубой, а *голубой огонек* (название телепередачи – и вовсе не голубой).

Отсюда лишь в пределах тематических блоков может быть предпринят и реализован межъязыковой анализ терминов цвета. Лишь в этом случае, если мы предпримем межъязыковой анализ, можно показать, что *srebrny krążek* ‘серебряный кружок’ и *kolorowy ekran* ‘цветной экран’ – в польском языке – это то самое, что в русском языке *голубой экран* – то есть телевизор, телевидение. Однако даже пребывая в пределах одного языка и вроде бы близких зон цветности – цветности глаз и цветности волос, мы можем ощутить эту непереложимость колористических отношений, происходящих из разных зон. Так, *orzechowe oczy* (USJP 2. S. 130) ‘ореховые глаза’ и *orzechowe włosy* (Ibidem) ‘ореховые волосы’ – разве это все один и тот же цвет? Наверное, нет, это разные цвета, потому что цвет глаз предполагает систему оппозиций внутри зоны цветообозначения глаз, а цвет волос – систему оппозиций внутри зоны цветообозначения волос: *blond* ‘светлые волосы’, *kasztanowe włosy* ‘каштановые волосы’, *rude włosy* ‘рыжие волосы’, *tycjanowskie* ‘тициановские волосы’, *orzechowe* ‘орехового цвета волосы’ и т.п. В цитированном выше «Универсальном словаре польского языка» (USJP) мы находим пример: „*Podłoga pomalowana na kolor orzechowy*” (Ibidem) ‘Пол, покрашенный в ореховый цвет’. Очевидно, что ореховый цвет пола не соотносим ни с цветом глаз, ни с цветом волос, а его цветовые значимости устанавливаются в другой системе координат, коей является зона цвета артефактов.

Что же касается выявления функций терминов цвета, решающим фактором здесь, наряду с отнесенностью к определенной тематической зоне, является фактор функциональной разновидности текста, в котором выступают цветообозначения, и фактор их контекстного окружения.

Итак, рассмотрим функции терминов цвета в онтологическом регистре, а также их менталитет-формирующие функции, то есть функции, выполняемые ими в качестве средства формирования национальных менталитетов, национальных/этнических ментальных миров. В ходе анализа этих функций обратим внимание на то, что термины цвета раз-

вивают широкий круг стилистических значений в широком плане – как фактор феноменологии языка, а не как фактор реальной жизни.

1. Остенсивная функция терминов цвета. Термины цвета способны описывать мир по онтологическим фактам (ср. *эта стена желтая – ta ściana jest biała, этот стол белый – ten stół jest biały*), выступая в остенсивной функции. Однако доля терминов цвета в остенсивной функции в общем количестве их текстовых употреблений относительно невелика. Аспектом остенсивной функции терминов цвета, ее модификацией является информирующая функция терминов цвета. Она присуща целому ряду цветообозначений и является среди функций терминов цвета весьма распространенной. Она выступает во всех типах текстов, но наиболее характерна для текстов СМИ, научных и технических текстов.

1.1. Информационная функция непосредственно связана с онтологией терминов цвета. Так, информация о цвете артефактов может стать своей целью только информацию о цвете и ничего более, причем как в общелитературном регистре, так и в языке науки и техники. Ср., например, информацию о цвете бурового раствора в «Энциклопедии по буровым растворам» (ЭБР 2005). Вот примеры, в которых цвет описывается достаточно детально, с учетом цветовых нюансов: «В последние годы находит все большее применение *гидрооксихлорид алюминия* (...), представляющий собой кристаллический продукт *зеленоватого цвета*, который получают...» (ЭБР: 563). Сульфат железа (...) выпускается в виде кристаллов *зеленоватого цвета с синеватым оттенком...*» (ЭБР: 382).

1.2. Прототипическая онтологическая функция терминов цвета. Будучи употреблены в остенсивной информирующей функции, термины цвета нередко представляют собой культурно-специфические знаки. И тогда вместо «классической» онтологии цвета мы нередко наблюдаем прототипическую онтологию – когда цвет называется через предмет-прототип цвета, например, *цвет неба*. При этом предметы-прототипы цвета у разных этносов, даже весьма близких, могут значительно отличаться. Так, *koloz rezedy* ‘цвет резеды’ существует как устойчивое цветоименование лишь в польском этноязыковом пространстве, однако в языковом ареале русского языка словосочетание ‘цвет резеды’ является информативно пустым – такой цветок в России практически не известен, соответственно, его цвет также является неизвестной величиной.

Сопоставительный анализ позволяет выявить большое количество колористических асимметрий в виде невербализованных цветов в каждом из сопоставляемых языков, не существующих для носителя даже

близкородственного сопоставляемого языка (не осознаваемых им как отдельные сущности).

2. Менталитет-формирующая функция терминов цвета

2.1. Когнитивная функция терминов цвета. Менталитет-формирующая функция цвета опирается на познавательной, то есть когнитивной функции цвета, связанной с участием терминов цвета в формировании языковой картины мира на базе цветовых стереотипов и метафорического переосмысления цветовых маркеров (см.: [Кульпина 2001]). Сопоставительные исследования на материале польского и русского языков помогают вскрыть важные пласты внеязыковой действительности в их лингвоцветовых преломлениях. Если, например, мы обратимся к сфере цветообозначения растений, мы можем выявить роль терминов цвета в указании на фазы вегетации растений. Так, если мы говорим по-русски о *нежнозеленой* или *светло-зеленой траве*, то это говорит о начальной стадии вегетации растения. Говоря о *желтом одуванчике*, мы подразумеваем фазу его цветения. Словосочетание *белый одуванчик* подразумевает, что растение отцвело и покрылось белым пухом семян, что знаменует заключительную сезонную стадию его развития.

Термины цвета участвуют и в формировании профессиональной картины мира. Для научных текстов когнитивная функция является естественной функцией. Ведь такие тексты служат средством познания действительности. В текстах научной и технической направленности функции терминов цвета ориентированы в первую очередь на осуществление научной когниции.

2.2. Эстетическая функция терминов цвета. Эта функция находит свое выражение прежде всего в текстах художественной литературы. Художественные тексты выражают в первую очередь художественные смыслы, в связи с чем для них чрезвычайно важна эстетическая функция, в которой широко употребляются термины цвета.

2.3. Этноспецифическая функция терминов цвета. Данная функция выполняет роль формирования этнической общности членов данного социума на базе употребления специфических для данного социума цветоименований. Такие, к примеру, цветоименования, как *алый* и *багровый* обозначают специфические для ареала распространения русского языка сущности. Цветообозначение *алый* маркирует положительные моменты: всё, что алое, является исключительно красивым – заря ли это или артефакты, губы или щеки. Напротив, цветообозначение *багровый* нередко служит в тексте антиципации роковых или просто

неприятных событий для данного социума. Таким предвестником является упоминание в тексте о багровом цвете неба.

2.4. Символическая функция терминов цвета. Эта функция относится к сфере высокого. Как указывает Н.Д. Арутюнова, «переход образа в символ обычно характеризуется в терминах «возвышения» – до символов возвышаются, поднимаются, вырастают, разрастаются (...) Стать символом значит приобрести определяющую жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения» [Арутюнова 1999: 338]. Таковы, например, национальный бело-красный флаг в Польше и российский триколор, обладающие символической функцией. Подчеркнем, что «символ унаследовал власть от образа, трансформировав ее в социальную или культурную функцию» [Арутюнова 1999: 339].

2.5 Магическая функция терминов цвета. В текстах фольклорного типа нередко выступает магическая функция, проявляющаяся, например, в текстах суеверий. Так, *черная кошка* в ряде европейских культур является знаком грядущей неудачи в разных делах.

2.6. Идентифицирующая функция терминов цвета. Распространенной функцией терминов цвета является идентифицирующая функция, служащая индикатором каких-либо преобразований с природными веществами или артефактами. Эта функция особенно наглядно выявляется в языке науки и техники.

Функции терминов цвета в научно-технических текстах поясним на примерах из «Энциклопедии буровых растворов». Термины цвета могут здесь выступать как индикатор разных составов таких растворов. Их цветность является индикатором их состава. А цвета химических реакций демонстрируют их свойства и качества.

Ср. пример: «В одну из пробирок, заполненных эмульсией, добавляют краситель – метиленовый синий, растворимый в воде, в другую – краситель судан III, растворимый в углеводородной жидкости. Эмульсия первого рода окрашивается в синий цвет, а второго рода – в красный» (ЭБР: 359).

2.7. Рекламная функция терминов цвета. В рекламе чаще всего подчеркивается сама ценность цветности как таковой – например, в рекламе фотоаппаратов, а также и других артефактов – например, разного рода красителей, краски для волос и т.п.

Впрочем, в текстах рекламы может проявляться переплетение функций – рекламной, персуазивной, эстетической, аксиологической. Ср. ряд прилагательных – фактически цветовых эпитетов, используемых для суггестивной характеристики цвета, которые могут быть использованы

в рекламе целого ряда товаров для привлечения покупателя: *энергичные, богатые, романтические, активные, земляные, располагающие, гостеприимные, динамичные, элегантные, стильные, свежие, традиционные, освежающие, тропические, классические, надежные, царственные, мистические, ностальгические, подвижные, приглушенные, профессиональные цвета* (см.: (Уилсон 2005)).

2.8. Оценочная функция терминов цвета. Данная функция терминов цвета характеризуется неоднородностью своих составляющих и большой разветвленностью.

Обсуждая оценочную функцию терминов цвета, остановимся, в частности, на функции экспрессивно-эмоциональной характеристики объекта, которая проявляется в художественных текстах, а также в разговорном регистре, напр., *zaczzerwienil się zawstydzony* ‘он покраснел смущенный’; *blady strach ją obleciał* ‘ее охватил ужасный (букв. бледный) страх’. Оценочная и персуазивная функции тесно взаимосвязаны. Ведь оценка нередко производится с целью убеждения кого-либо в чьей-либо правоте. В свою очередь персуазивность в широком смысле способствует оценочности.

Терминологический уровень вряд ли обладает яркой оценочностью. Он «снимает», ликвидирует оценочность. Главная функция цветолексем в сфере терминологии – это информативная функция. Поэтому, к примеру, *бесцветный раствор* – в отличие от *бесцветных глаз* – не является некрасивым, не несет в себе оценочной функции, а лишь информативную.

2.9. Эвфемическая функция терминов цвета. Эта функция успешнее всего развивается в сфере фразеологизмов, обозначающих отрицательные явления жизни. Так, фразеологизм *белая смерть* обозначает как вредные для здоровья человека вещества, как-то: сахар, соль, так и вещества, губительные для него (см. подробнее: [Кульпина 1998: 33–52]). Сфера недозволенного может обозначаться с помощью терминов цвета *черный, серый*. Фразеологизм *черный нал* означает нелегальные расчеты наличными. *Szara strefa* ‘серая зона’ означает такую производственную сферу, в которой стремятся уйти от налогообложения.

2.10. Персуазивная функция терминов цвета. Эта функция проявляется в разного рода текстах, но одной из главных сфер ее проявления являются публицистические и рекламные тексты. Отметим, что специфический тип персуазивности, характерный для научных текстов (см.: [Gajda 2001: 188]) не опирается обычно на термины цвета (но скорее на специфические формы модальности).

Данная функция служит выделению через термины цвета особенно значимых моментов, прежде всего в общественной жизни. Публицистические тексты изобилуют цветовыми перифразами данного типа. Так, в публицистических текстах цветом маркируются общественные движения и политические объединения. Как правило, для их характеристики через цвет используются основные цвета; если используются другие, неосновные цвета, то это прежде всего яркие цвета, не пастельных или каких-то других оттеночных тонов. Яркие основные цвета могут даже вступать друг с другом в отношения синонимической «конкуренции». Так, *zielony* – это и представитель Польской крестьянской партии – то есть ZSL, и представитель экологических партий и движений (сразу несколько польских партий имеют в названии термин цвета *zielony*). В польском языке и в целом ряде других языков термин цвета *szeregowy* ‘красный’ и термин цвета *rózowy* ‘розовый’ используются для обозначения левых и близких к ним сил. В годы, предшествовавшие общественно-политическим преобразованиям в Польше, «карьеру» сделало движение „*Poranna inicjatywa*” ‘оранжевая инициатива’, выступавшее в роли пересмешника.

В публицистических текстах цветовые номинации опасных веществ и явлений служат персуазивной функции, то есть функции убеждения в опасном характере таких веществ и явлений и их устранения из жизни. Для публицистических текстов характерны соответствующие типы перифраз.

Персуазивной функции служат также перифрастические синонимы, используемые в качестве мены номинаций, которая оказывает в силу своей перифрастической стилистики большое персуазивное воздействие. Так, польское словосочетание *biały węgiel* ‘белый уголь’ означает воду на гидроэлектростанции.

Если мы сопоставим русский и польский языки с точки зрения употребления перифраз персуазивного типа, то окажется, что перифразы с аналогичной внутренней формой могут означать даже в близкородственных языках разные объекты. Так, польская перифраза *czarne złoto* ‘черное золото’ означает уголь, в то время как русская перифраза *черное золото* с аналогичной внутренней формой означает в зависимости от контекстных условий или уголь, или нефть. В то же время уголь обозначается в польском языке не только с помощью перифразы *czarne złoto*, но и с помощью перифрастической номинации *czarny diament* (см.: (Bartwicka 2006: 94)) ‘черный алмаз’. В русском языке такое цветообозначение в качестве вторичной номинации угля не фигурирует.

Персуазивная функция затрагивает также научно-популярные тексты, в которых она служит средством привлечения внимания и интeриоризации научного содержания такого рода текстов. Так, в научно-популярных текстах астрономического характера в польском и русском языках польск. *czzerwona planeta* – русск. *красная планета* означает Марс, планета Земля в русском языке обозначается как *голубая планета*, в то время как в польском языке ее перифрастическое имя звучит как *zielona planeta* ‘зеленая планета’.

Проявлению персуазивной функции нередко способствует метафорическое употребление терминов цвета. Ср. пример: «Какой ключ бил там из-под земли. Это надо было видеть – чистое серебро» (из устной нарративной речи: В.А. Татаринov о ключе в селе Макарий в Котельничском районе Кировской области).

2.11. Психологическая функция терминов цвета. Эта функция нередко проявляется через адъективные формации синестезийного типа: *теплые цвета/тона* – *cieple kolory/tony*, *холодные цвета/тона*, *zimne kolory/tony*, *спокойные цвета* – *spokojne kolory*, *освежающие цвета* – *odświeżające kolory*, *приглушенные цвета* – *stonowane kolory*. Цвет в данном случае получает характеристику по его восприятию человеком и по воздействию на него.

2.12. Классифицирующая функция терминов цвета. Данная функция присуща в первую очередь научно-техническим текстам и текстам канцелярско-делового стиля.

В разного типа специальных текстах термины цвета играют большую роль в процессах классификации, выступая как их базовый или как вспомогательный материал.

В текстах деловой направленности термины цвета играют особо значимую роль в сфере номенклатуры товаров, которая может полностью базироваться на терминах цвета, а может строиться с их использованием наряду с не цветовыми элементами. Возьмем, например, польскую номенклатуру кондитерских изделий. Традиционные для польской кондитерской промышленности изделия – это так называемые *krówki* ‘коровки’ и *romadki* ‘помадки’ – при выделении их разновидностей используются цветовые маркеры. В рекламных целях используется их номенклатура, строящаяся на цветовых различиях (в том числе фантиков). Так, среди коровок выделяются: *złota krówka* ‘золотая коровка’, *czzerwona krówka* ‘красная коровка’, *zielona krówka* ‘зеленая коровка’. Российские конфеты данного типа классифицируются по другому принципу: на сорта *коровка* и *новая коровка*.

В языке науки и техники названия каких-либо разновидностей природных веществ или артефактов путем их наделения цветом могут не совпадать. Не совпадать может как внутренняя форма названий, так и их семантическая сущность. Различия могут касаться наличия/отсутствия синонимичных названий для каких-либо предметов. Так, в русских названиях водных растворов купоросов выступают два цветовых маркера – *белый* и *синий*. *Белый купорос* – это синонимичное название цинкового купороса (польс. siarczan cynkowy siedmiowodny), а *синий купорос* (польс. siarczan miedziowy pięciowodny) – это синоним медного купороса. В польском языке синонимичные названия купоросов отсутствуют, а их деление осуществляется исключительно по веществам, входящим в их состав – медный, железный, цинковый и свинцовый. Таким образом, в польском языке, в отличие от русского языка, цветовые маркеры для обозначения купоросов отсутствуют; тем не менее названия таких веществ, как цинк, медь, свинец, железо, также внушающие мысль об их естественном цвете, в классификации присутствуют в качестве имплицитных показателей цвета. Ср. в двуязычном техническом словаре: *белый купорос* – siarczan cynkowy siedmiowodny, *железный купорос* – siarczan żelazowy siedmiowodny, *медный купорос* – siarczan miedziowy pięciowodny, *свинцовый купорос* – siarczan ołowiaowy, *синий купорос* – siarczan miedziowy pięciowodny, цинковый купорос – siarczan cynkowy siedmiowodny (БРППС: 517).

В производственной сфере, занятой производством артефактов, внимание направлено на создание новых цветовых композиций, приятных для глаза или полезных с какой-либо точки зрения – сразу привлекающих внимание или, напротив, действующих на людей успокаивающе. Таким образом, функции терминов цвета среди прочего состоят в том, чтобы привлечь внимание к товару, окрашенному в особенно привлекательный цвет, то есть, термины цвета выполняют в данном случае практическо-рекламные функции.

2.13. Ономастическая функция терминов цвета. Широкое использование терминов цвета в составе имен собственных побуждает обратить внимание на их функции в ономастике.

В наши дни термины цвета широко употребляются в ономастике официально-деловой сферы. Так, в частности, термины цвета широко используются в названиях фирм в функции положительной оценки. Так, например, положительные коннотации белого цвета использованы в русском языке в названиях фирм: *Белый ветер* – название фирмы по продаже компьютеров и *Белый город* – название фирмы по продаже недвижимости.

2.14. Функция имплицитной фиксации цветности. Данная функция выступает прежде всего в художественной литературе. Однако ее воздействие может проявляться и в других функциональных разновидностях. Какой-либо объект окружающей действительности, обладающий определенным цветом, может выступать в качестве показателя цветности в том случае, если мы заранее знаем, каков прототипический цвет данного предмета окружающей действительности, в связи с чем его употребление в тексте ассоциативно вызывает в зрительной памяти соответствующее цветовое пятно. Таков, например, *василек* – польск. *chaber / bławatek*. Таков *медный купорос* – *siarczan miedziowy pięciowodny*, люди обычно знают, какой цвет этого вещества.

* * *

Изучение места терминов цвета в функциональных стилях помогает дифференцировать их функции в научной когнитии и в наивной языковой картине мира. Широкий спектр языкового применения терминов цвета требует подхода к ним как к этносоциокультурно релевантным элементам этноязыковой картины мира. Проведенный сопоставительный анализ подводит к выводу, что классы цветоименований не универсальны даже в близкородственных языках. Доказательством этого является большое количество невербализованных цветов в польском и в русском языках, не существующих для носителя одного из близкородственных языков и не осознаваемых им как отдельные сущности.

Колористические реляции и колористическая релевантность выражаются в оппозициях групп предметов и явлений, наделяемых цветом в языке.

К терминам цвета следует подходить как к этносоциокультурно-значимым элементам языковой картины мира. Выделению таких элементов способствует выявление аналогий, сходств и различий терминов цвета через их сопоставление, в данном случае – через сопоставление структур, содержащих термины цвета польского и русского языков.

Анализ функциональных стилей с точки зрения выявления доли терминов цвета в массе формирующих их лексических единиц и их роли в ментальных процессах, характерных для каждого из функциональных стилей, является плодотворным в функционально-стилистическом плане типом анализа. Такая классификация перекрещивается с тематической классификацией терминов цвета, релевантной с точки зрения их формирования и функционирования в человеческом обществе в целом.

Изучение терминов цвета в рамках направления «Лингвистика цвета» позволило установить их менталитет-формирующий статус как в лингвосоциальных системах, так и в отраслевых терминосистемах.

Феноменологический подход позволяет подойти к каждому цветообозначению как к самоценному факту языка и культуры. Ведь каждый термин цвета есть результат антропоцентрического взгляда на явление *цвет*. Методологические основы лингвистики цвета – это научные категории, выработанные в сопоставительном языкознании, методы феноменологического анализа и методы когнитивных исследований.

Цветовые реляции, цветовая релевантность проявляют себя в виде оппозитивных отношений в рамках групп, разбиения на группы предметов и явлений, которые наделяются цветом нашим языковым сознанием.

Анализ терминов цвета в пределах тематических групп объектов и изучение их соотношений и пропорций в функциональных стилях позволяет увидеть, что цвет – это отнюдь не только онтология, это творческая деятельность человека, обеспечивающая реализацию множества важных для человека функций языка и помогающая ему жить в этом мире.

Метод контрастивного анализа цветообозначений на материале польского и русского языков в разных функциональных стилях позволяет высветить особенности их функционирования в каждом из этих языков и в каждом из стилей. Взаимопереплетение ряда функций не отрицает тем не менее их отдельного статуса и отдельной интерпретации в исследованиях терминов цвета.

Изучение терминов цвета в плане их функционально-стилевой нагруженности в свою очередь позволяет выявить соотношение этноязыковой картины мира с когнитивными категориями и процессами колористической номинации. При исследовании колористической номинации исследуется их ассоциативная база.

Цветовые лингвальные феномены в целом ряде сегментов лексических систем польского и русского языков культурно- и этнолингвистически маркированы.

В связи с вышесказанным статус терминов цвета можно определить как статус лингво- и этномаркированной категории. Социолингвальные системы не столько отражают, сколько специфически преломляют окружающую действительность в русле этноязыковой картины мира.

В широком смысле термины цвета фиксируют важные и даже жизнеобразующие аспекты существования, самой жизни данного этноса.

Рассмотренный материал функций терминов цвета в польском и русском языках позволяет сделать вывод о том, что термины цвета являют-

ся важной составляющей национальной специфики польского и русского народов.

Литература / References

1. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. I–XV, 896 с.
2. *Bartwicka H.* Ze studiów konfrontatywno-przeładowych nad językiem polskim i rosyjskim. Warszawa: Wydawnictwo „Takt”, 2006. 125 s.
3. *Gajda S.* Styl naukowy // Współczesny język polski / Red. Jerzy Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2001.
4. *Кульпина В.Г.* Фразеологические термины цвета как лексический класс // Паланистыка / Рэд. А.К. Кіклевіч. 1998. С. 33–52.
5. *Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.

Источники / Sources

- БРППС – Большой русско-польский политехнический словарь. Wielki słownik techniczny rosyjsko-polski / Ред. коллектив: Ян Шарский и др. М.; Warszawa: Советская энциклопедия; Wydawnictwa naukowo-techniczne, 1973. 1459 с.
- Гармония цвета. Новое руководство по созданию цветowych композиций / Б. Уилсон. Пер. с англ. Г. Изотова. М.: АСТ, 2005. 166 с.
- Д.С.П. Материалы к русскому Словарю общественно-политического языка XX века. М.: Три квадрата, 2003. 1024 с.
- ЭБР – Рязанов Я.А. Энциклопедия по буровым растворам. Оренбург: Летопись, 2005. 664 с.
- USJP – Uniwersalny słownik języka polskiego: W 4 t. / Pod red. Stanisława Dubisza. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАГОЛОВКОВ ЖУРНАЛА «TIME»

М.М. Филиппова, А.А. Новоселова

LINGUISTIC ANALYSIS OF TIME HEADLINES

M. M. Philippova, A. A. Novoselova

ABSTRACT:

The present study aims at investigating the linguistic features of headlines. It is an attempt to shed light on the general notion of a headline, as well as its main functions, purpose and expressive eye-catching techniques. The investigation shows the differences between the language of headlines and the ordinary language by exposing the ambiguity of headlines created by allusions and special techniques that are looked upon through stylistics and syntax, and that journalists themselves admit to use whilst creating a headline. The problem of ambiguity is also viewed in this work. As headlines represent the most important part of the news (since they summarize the whole article or news story), they become a vital element through which the reader decides whether to read or leave the article. The study proves that there are typical features in newspaper headlines that aim at getting the attention of readers to make them read the whole article. The headlines of the "TIME" magazine are used as the main research data.

Keywords: language; news; article; magazine; PR; headline; ambiguity; allusion; expressivity; journalism

АННОТАЦИЯ:

Данная статья направлена на изучение языковых особенностей заголовков статей в журнале «Time». Это попытка пролить свет на общее понятие заголовка, на его основные функции, цели и выразительные приемы, используемые при создании заголовков для привлечения внимания читателей. В статье показаны различия между языком заголовков и обычным языком, обнажающие часто встречающуюся двусмысленность заголовков, намеренно создаваемые аллюзии и специальные приемы, рассматриваемые через их стилистику и синтаксис, и те самые приемы при написании заголовков, в использовании которых признаются сами журналисты. В этой работе также рассматривается проблема неопределенности смысла заголовков. Поскольку заголовки передают наиболее важную часть новостей (обобщая всю статью или отдельно взятую новость), они становятся особенно важным элементом, посредством которого читатель принимает решение, продолжать ли читать всю статью. Прделанная работа доказывает, что можно определенно говорить о существовании типичных характеристик газетных заголовков, работающих на привлечение внимания читателей. В качестве основного материала исследования используются заголовки журнала "Time".

Ключевые слова: язык; новость; статья; журнал; пиар; заголовок; двусмысленность; аллюзия; экспрессивность; журналистика

1. Что такое заголовок?

Безусловно верно, что заголовок является первым элементом, привлекающим (и, возможно, захватывающим) внимание читателей.

Заголовок — это название новости или статьи, и, как ни странно, его форма зависит от журнала. Конкретные функциональные и лингвистические особенности заголовков дают достаточно оснований для их выделения и анализа как специфического жанра журналистики. Основная функция заголовка заключается в сообщении читателю вкратце о сути последующего текста. В любом языке структура заголовков остаётся одинаковой.

Заголовок, или “одна из самых отличительных черт газеты”, по словам Дэвида Кристалла, — это форма дискурса, характерная для печатных СМИ. Это одна из самых творческих областей публицистики, и в некоторых своих аспектах она даже сравнима с поэзией в том, что многое заимствует у языковых особенностей стихосложения. Как утверждают в своих рекомендациях для будущих журналистов Браун и Симпсон (редактор и главный составитель заголовков соответственно), “писателями заголовков должны быть лучшие писатели в газете.”

Заголовки также, по мнению специалистов, — это наиболее широко читаемая часть газеты — в пять раз чаще, чем текст. Так, заголовки читаются не только первыми покупателями, но и миллионами людей, просто проглядывающими, видящими или неосознанно прочитывающими заголовки журналов или газет.

2. Основные функции заголовков

Заголовки являются “посредниками между статьёй и читателем”, и они несут как минимум четыре микро-функции:

- суммирование;
- подчёркивание;
- привлечение внимания;
- отбор информации.

Что касается трех основных макро-функций заголовков, то их можно определить так:

- содержательный информационный заголовок, дающий хорошее представление о теме новости;
- указательный заголовок, рассматривающий то, что произошло во время события, отраженного в новости;

- завлекающий заголовок, не информирующий о содержании новости, но предназначенный побудить людей прочитать статью целиком.

Как признают многие журналисты, заголовок является наиболее важной частью сообщения, поскольку его цель состоит в привлечении читателя за доли секунды, что достаточно сложно. Хороший заголовок будет выдавать только необходимую для завлечения аудитории информацию, поэтому, помимо тщательно подобранных слов, оформление является следующим наиболее важным фактором. Стилль должен быть одновременно интригующим, как и сама статья, но не слишком усложнённым, чтобы читатель мог быстро понять сообщение.

Если заголовки не интересны, журнал не купят. Именно поэтому журналисты прибегают к целому ряду языковых приемов, чтобы создать хороший заголовок. Но, кроме этого, заголовки часто содержат элементы оценки, поскольку они отражают отношение самой газеты (то есть ее редакции и владельца), сообщающей и комментирующей приводимую информацию. Тем самым выполняется функция поучения и просвещения читателя.

3. Основные цели заголовков

Американские заголовки — короткие и увлекательные, они “сжимают суть новости в несколько слов, способных поймать Вас в ловушку”. Умело написанный заголовок рассказывает целую историю или лишь малую её часть, тем не менее достаточную для того, чтобы пробудить или удовлетворить любопытство читателя. Практика написания заголовков в разных журналах разная.

Журналисты считают, что в мире, полном суеты, они на самом деле могут заинтересовать людей читать то, что они написали, только через заголовок. Хорошо написанный заголовок – это больше, чем интересное содержание или красивый дизайн. Написание заголовка — это наиболее важная часть написания статьи. Название – это то, на чем следует сосредоточиться журналисту. Используя это как один из профессиональных приемов, журналист начинает или заканчивает каждую статью, задавая себе вопрос: “Захочу ли я после такого заголовка читать дальше?” Если нет, журналист не отдаст статью в печать, пока не будет написан броский заголовок, делающий статью интригующей и неповторимой. Сосредоточившись на этом, журналисты получают намного больше читателей, нежели если бы они упустили из виду такой важный фактор. Безусловно верно, что заголовки обеспечивают основу журнальных продаж.

Интересно, что для многих людей, не являющихся профессиональными журналистами, заголовок – это нечто пренебрегаемое при написании статьи. Очень многие авторы просто не замечают его, не уделяя ему

достаточного внимания. Для них это что-то второстепенное, подобно 'вишенке на торте'.

Следует отметить, что газетный и журнальный стиль отличается от всех других видов письма. К примеру, большинство заголовков различных журналов содержит в себе некое обещание, предлагаемое читателю. Например, если журнал о путешествиях имеет такой заголовок: *"Найди идеальное место для отдыха"* (*"Find the Perfect Vacation Spot"*), то читатель предполагает, что автор собирается писать о курорте, подходящем как раз для него. И какой читатель устоит перед таким заголовком, как, например: *"Как скопить денег на Ваших же налогах?"* (*"How to Save Money on Your Taxes?"*)?

4. Яркие уловки, привлекающие читательский взгляд

Один из используемых журналистами приёмов – это обещание обогатить читателя чем-то полезным. Например, освоить с ним какой-то новый навык или убедить его делать то, чего он никогда не делал прежде, попробовать себя и свои силы или даже приоткрыть завесу древних тайн. Стараясь придумать креативный заголовок, журналист стремится предоставить нам даже больше информации, чем мы ожидаем. Авторы заголовков любят интриговать своих читателей, что иногда происходит из-за слишком больших обещаний, данных в заголовке, сдержать которые, увы, удаётся не всегда.

Так как подзаголовки изначально нацелены на эпатаж читателей, то в них мы находим огромное количество эмоциональных слов, буквально бросающихся в глаза, например: *"Величайшее отчаяние"* (*"The greatest despair"*), *"Шокирующие новости"* (*"Shocking news"*), *"Обнаружена истина"* (*"The truth is revealed"*), *"Ваши окончательное решение"* (*"Your ultimate decision"*), *"Открывая всю прелесть некогда запретного острова"* (*"Discovering the charm of a once-forbidden island"*), *"Люди, культура, рай"* (*"The people, the culture, the paradise"*), *"Америка на пороге открытия волшебной земли заново"* (*"America is about to rediscover a land of enchantment"*). Выразительные слова еще больше увлекают читателей, делая всю статью более интересной для чтения.

Если мы обратим пристальный взгляд на заголовки специального выпуска «Time», посвящённого медицине, то сразу же заметим, что некоторые из них просто-напросто резюмируют основную информацию выпуска: *"Новые способы помешать старению"* (*"New ways to disrupt aging"*), *"Как сохранить тело молодым"* (*"How to keep the body young"*), *"Сила позитивного отношения против старения"* (*"The anti-aging power of a positive attitude"*), *"Могут ли мозговые игры сохранить ум молодым?"* (*"Can brain games keep a mind young?"*), *"Наилучшее место, где можно стареть"* (*"The best place to grow old"*), *"План пита-*

ния для долгой жизни” (“Meal plan for a longer life”). Как видим, такие заголовки, взятые вместе, дают читателям отчет о долголетию, а также ответы на любые вопросы, возникающие у читателя во время чтения журнала.

Функции и особый характер заголовков определяют выбор используемых языковых средств. Существуют особые группы лексики, часто встречающиеся в заголовках. Например, самые важные слова, используемые по отношению к уму, это: *анализировать (analyze)*, *рассчитывать (calculate)*, *забывать (forget)*, *означать (infer)*, *запоминать (memorize)*, *осознавать (realize)*, *признавать (recognize)*, *помнить (remember)*; *башковитый (brainy)*, *яркий (bright)*, *одарённый (gifted)*, *одарённый богатым воображением (imaginative)*, *умный (intelligent)*. Заголовки также изобилуют эмоционально окрашенными словами и фразами, как показано в следующих примерах, взятых из медицинского выпуска: “Телевизионный прорыв” (“Television breakout”), “Забывтая война” (“The forgotten war”), “Маленькие авиакомпании, большие идеалы” (“Little Airlines, Big Ideals”), “ПОМЕХИ СТАРЕНИЮ” (“AGE DISRUPTERS”).

Чтобы привлечь внимание читателя, авторы заголовков, кроме того, часто прибегают к намеренной ломке таких всем знакомых выражений, как пословицы и поговорки, эпитграммы, цитаты, аллюзии и метафоры. Это уже другой стилистический прием, способный производить сильный эмоциональный эффект, например, “Сейчас самое время для Хиллари” (“Go Time for Hillary”) – аллюзия на песню “Go time” исполнителя Вольта Кэб, также использованная в качестве метафоры, говорящей о человеке, готовом к действию; “Охотники за сыром” (“Cheese busters”) – аллюзия на американский комедийный фильм о сверхъестественном “Охотники за привидениями” (“Ghostbusters”), в то время как в статье речь идёт о 47 кусках сыра, в магазинной краже которых обвиняется супружеская пара из штата Теннесси; “Помогите спасти губную помаду” (“Help save the lipstick”) – устойчивое выражение (“help save”), используемое с сарказмом (обычно оно используется, когда речь идёт о серьезных вопросах, таких, как спасение планеты/экологии/редких видов животных; “Поджаренный” (“Beefed up”) – прямое, а не переносное значение ‘поджаренный’ разрушает устойчивое разговорное выражение (в статье о разных видах бургеров); “Президентские проказники” (“Presidential pranksters”) – здесь это неформальное и любопытное слово ‘проказник’ (а именно, человек, забавляющийся шалостями) рядом с прилагательным “президентский” способно раздражить любопытство читателя, и ему не терпится увидеть, в каком же контексте могут сосуществовать два эти слова; “Вымышленный спорт” (“Fantasy sports”): на первый взгляд эти два слова выглядят как метафора, а на самом деле

они используются для классификации онлайн игр, в которых участники собирают в воображаемые или виртуальные команды реальных игроков профессионального спорта; “Удобная правда” (“*Convenient truths*”) – очень интригующая метафора, потому что мы намного чаще говорим о неудобных истинах; “Не расколись под давлением” (“*Don’t crack under pressure*”) – глагол “раскалываться” использован в переносном смысле.

Наряду с нейтральной и художественной (общей и специальной) лексикой можно также найти слова с эмоциональной окраской: *гигант* (*giant*), *шок* (*shock*), *вызов* (*challenge*), *кричать* (*to scream*), *умереть*, *а не*, например, ‘*отойти в мир иной*’ (‘*to die*’ и ‘*to pass away*’), *величайший* (*the greatest*), *скандальный* (*scandalous*), *пугающий* (*frightening*), *ужасающий* (*terrifying*), *притягательный* (*appealing*), *ошеломляющий* (*overwhelming*), *назойливый* (*annoying*), *раздражающий* (*irritating*), *исключительный* (*exceptional*); разговорной лексикой: *уволить* (*to sack*), *жаждать внимания* (*to crave attention*), *значить* (*to matter*), *несносный* (*obnoxious*), *противный* (*nasty*), *обалденный* (*awesome*), *крутость* (*awesomeness*); сленгом: *пойманный* (*busted*), *напившийся* (*wasted*), *друговраг* (*frenemy*), *увеличить* (*to supersize*), *крутизна* (*awesomity*). Все эти лексические единицы являются чрезвычайно острыми и оценочными. Их эмоциональная окраска достигается с помощью различных стилистических приемов, как лексических, так и синтаксических, использование которых в значительной степени традиционно. При написании заголовков может быть использован практически любой стилистический приём. Такие приёмы оказываются мощными оценочными средствами, выражающими личное отношение к делу и осуществляющими необходимое эмоциональное воздействие на читателя.

5. Заголовки и стилистика

Основные стилистические приемы, творчески используемые в заголовках, включают в себя:

- каламбуры (“*Mag Net*” (“*Mag Net*”), “*из России с перчатками*” (“*From Russia with gloves*”), “*Китайцы празднуют рождение поросят, удачно родившихся в Год Свиньи*” (“*Chinese celebrate the lucky swines born in the Year of the Pig*”)). Каламбуры не только интригуют и пробуждают неподдельный интерес, но ещё и “вознаграждают” читателя за интеллектуальное удовлетворение, получаемое в ходе их успешного декодирования;

- игра слов (“*Буковая вечеринка в это воскресенье*” (“*Beech party this Sunday*”, not ‘*beach party*’ – очень привычная и хорошо известная ‘пляжная вечеринка’) – о продаже мебельного магазина; аллитерация (“*Моди нужен его Моджо*” (“*Modi needs his Mojo*”), “*Прости и забудь*” (“*Forgive and forget*”), “*Джамбо Джет*” (“*Jumbo Jet*”), а также

акцентируя определенные слова: *“Россия просто хочет дружить”* (*“Russia just wants to be friends”*). Читатель, декодируя различного рода каламбуры и игру слов, опирается на общие и культурные знания. Такого рода игра слов является очень характерной чертой заголовков и имиджа, как правило, и ограничивается. В самой статье такая игра слов встречается уже гораздо реже;

- широкое использование метафор (*“Мелкая рыбёшка плавает с китами, как большие и малые потоки быстрорастущих секторов”* (*“Minnows swimming alongside whales as large and small flood fast-growing sectors”*): *“minnow”* — это общий термин в английском языке для обозначения мелких пресноводных и морских рыб, здесь же используется как метафора, представляющая небольшой быстрорастущий сектор в сравнении с большим, представленным в виде “китов” в другой метафоре;

- широкое использование акронимов и аббревиатур (*“Как АБ Fab1 изменил мою жизнь”* (*“How Ab Fab1 changed my life”*), Ab Fab1 – популярный телевизионный канал);

- парцелляция: *“Неограниченное количество энергии. Для всех. Навсегда”* (*“Unlimited energy. For everyone. Forever.”*);

- повторение определенных слов: *“Готовы ли Вы к своему долгу, долгу выводу на пенсию?”* (*“Are you ready for your long, long retirement?”*);

- создание интриги: *“Ваше сердце может быть старше Вас”* (*“Your heart may be older than you are”*), *“Место, которое можно назвать домом”* (*“A place to call home”*), *“Чего это стоит – простить убийцу”* (*“What it takes to forgive a killer”*).

6. Заголовки и синтаксис

Написание заголовка является чрезвычайно сложным процессом, потому что журналисту трудно быть оригинальным, описательным и творческим, когда у него есть всего лишь 70 символов (позволительный размер заголовка), чтобы добиться этого.

Синтаксически заголовки – это очень короткие предложения или словосочетания, строящиеся по различным моделям:

- а) повествовательные предложения: *“Пятьдесят миллионов людей находятся в опасности”* (*“There are fifty million people at risk”*), *“Я знаю, что мне нравится”* (*“I know what I like”*);

- б) вопросительные предложения: *“США использует стратегию России?”* (*“Does the U.S. have a Russian strategy?”*), *“За что были повешены сейлемские ведьмы?”* (*“Why were the Salem witches hanged?”*);

- в) номинативные предложения: *“Тьме конец”* (*“An end to darkness”*), *“Война против полиэтиленовых пакетов”* (*“The war on plastic bags”*),

“Город света” (“*The city of light*”), “Война вкусов” (“*The war of delicious*”), “Убийство, гонка и милосердие” (“*Murder, race and mercy*”), “Юмористы в правительстве” (“*Comedians in government*”);

г) эллиптические предложения: “Ответ не ожидается!” (“*The answer not expected!*”), “Будем верить” (“*Will believe*”), “По-прежнему в опасности” (“*Still in danger*”);

д) предложения с пропущенными артиклями: “Ураган убивает 14” (“*Hurricane kills 14*”);

е) глагольные обороты: “Чтобы правильно питаться” (“*To eat healthy*”), “Идя в ногу” (“*Keeping pace*”);

ж) вопросы в форме утверждения: “Чем хуже, тем лучше?” (“*The worse the better?*”), “Прими сейчас, а сожаления после?” (“*Accept now, regrets after?*”);

з) сложные предложения: “Находя связь между мясом и раком и поднимая вопросы о пищевых привычках Америки и мира” (“*Linking meat with cancer and raising questions about America’s and the world’s eating habits?*”);

и) заголовки с прямой речью: “Срезюмируйте” (“*Make it brief*”) – сказал принц Уильям.

Перечисленные выше модели представляют собой наиболее типичные, хотя и не охватывающие всё многообразие структуры заголовков.

7. Двусмысленность заголовков, создаваемая аллюзиями, и проблема интерпретации

Интересно, что некоторые заголовки требуют второго прочтения из-за непривычных словесных сочетаний и непредвиденных смысловых отношений. Чаще всего они вызваны неоднозначностью заголовков.

Неоднозначность может быть смешной: “Бактерии помогают ловить преступников” (“*Bacteria help to catch criminals*”). Сатирический эффект часто достигается за счет использования метафор, иронии, расщепления устойчивых словосочетаний, стилистического использования словообразования, аллюзий. Каждая культура обладает своими собственными аллюзиями, созданными историческими личностями, знаниями и ценностями одной страны.

Поэтому можно выделить два типа аллюзий:

а). Аллюзии на политические и другие факты, являющиеся незамеченными и не имеющими стилистического значения: “Обама спрашивает не только то, что наше правительство может сделать для нас, но и то, что мы можем сделать для себя” (“*Obama ‘asks not just what our government can do for us, but what we can do for ourselves’*”) (аллюзия на инаугурационную речь Джона Кеннеди);

б). Исторические, литературные и библейские аллюзии, часто используемые для создания определенного стилистического эффекта, во многом сатирического: *“Рост нищеты откроет ящик Пандоры преступлений”* (“*The rise in poverty will unlock the Pandora’s box of crimes*”); *“Это место похоже на райский сад”* (“*This place is like a Garden of Eden*”); *“Не пусти его ко дну, как Титаник”* (“*Don’t let it sink like the Titanic*”).

Заголовки являются особенно богатым источником информации о культурных отсылках. Это объясняется тем, что заголовки самостоятельны, они выступают без объяснений и определений и зависят от читателя и его кругозора, полагаются на его запас культурных знаний, представлений и моделей реальности, которые, по идее, должны быть широко распространены в обществе. Если человек не знаком с этими общими знаниями, то заголовки, как правило, представляются ему крайне неоднозначными.

Толкование заголовков в целом является большой проблемой осведомленности. С учетом предположений пресуппозиции и минимума общих знаний между собеседниками (в нашем случае журналистом и читателем) такие заголовки, как *“Расследование о наличных-в-обмен-на почести отравит последние недели правления Блэра”* (“*Cash-for-honors inquiry will drag on to blight Blair’s final weeks in office*”) или *“Фиаско карьерной лестницы министра из-за младшего врача”* (“*Minister in climb-down over junior doctor fiasco*”), непрозрачны для читателей, не знакомых с текущими событиями в Великобритании. Адресат, то есть читатель, должен быть достаточно хорошо знаком с социальным и культурным контекстом, чтобы грамотно декодировать сообщение.

8. Специальные приемы, в использовании которых при написании заголовков признаются сами журналисты

Журналист всегда старается доставить читателю удовольствие чтением. Здесь возникает проблема. Не так сложно придумать заголовок, привлекающий внимание, как убедиться, что написанный Вами заголовок описывает содержание статьи честно и привлекательно, чтобы читатели не пожалели потраченного времени и денег.

В конечном счете, цель заголовка — заставить людей прочесть всю статью. Для этого используются дополнительные методы:

- простота – большинство исследований, относящихся к исследованию заголовков, утверждает, что наиболее эффективными заголовками являются те, что наиболее коротки, просты и легки в понимании. Хотя нарушение этих правил может способствовать привлечению внимания (информацию об этом можно найти в следующем пункте), они могут смутить и расстроить потенциальных читателей;

- привлечение внимания – хорошие заголовки привлекают внимание читателей. Такое внимание может быть достигнуто путём шокирования, громких утверждений, споров и даже замешательства. Хотя эти тактические приемы и завлекают читателей, следует отметить, что они могут принести больше вреда, чем пользы, если весь остальной текст статьи после заголовка не оправдывает обещаний. Чтобы сделать заголовок более впечатляющим, журналистам приходится использовать слова, пробуждающие сильные эмоции. Обычно, но не всегда, это прилагательные, например: *замечательный (amazing)*, *обалденный (awesome)*, *неловкий (awkward)*, *дерзость (audacity)*, *опора (backbone)*, *вера (faith)*, *мужество (courage)*, *храбрость (bravery)*, *впечатляющий (spectacular)*, *ошеломляющий (stunning)*, *захватывающий (breathtaking)*, *сенсационный (eye-opener)*, *секрет (secret)*, *чудо (miracle)*, *герой (hero)*, *надежда (hope)* и многое другое;

- удовлетворение потребности – эффектно написанный заголовок привлекает людей намного больше, потому что они чувствуют, что автор может сказать им что-то такое, что они хотят услышать;

- описание - некоторых читателей можно завлечь загадочным заголовком, содержащим лишь намек на то, о чём пойдёт речь в статье, но большинству читателей нужно знать больше информации о том, что они найдут, если продолжат читать статью после заголовка. Заголовки должны описывать то, что читатели найдут в главном разделе статьи;

- использование ключевых слов – ключевые слова что, как привлекают внимание, они направлены на читателя и помогают ему лучше понять заголовки;

- интрига – заголовки, возбуждающие любопытство, очень эффективны. Люди не смогут устоять и не удовлетворить своё любопытство, прочтя, например, такой заголовок, как: *“10 Способов Воздержаться от Поедания Кекса. Седьмой – Просто Умора!”* (“*10 Ways Not to Eat a Cupcake. Number 7 is Hilarious*”);

- угрозы и отрицания – люди оказываются зачастую более мотивированы к действию, если оно поможет им избежать катастрофы или неприятностей. По этой причине заголовки, содержащие такие слова с негативной коннотацией, как *“Подделка”* (“*Fake*”), *“Большая Ложь”* (“*The Big Lie*”) и *“Наносящий вред”* (“*Harmful*”), заставляют людей прочесть всю статью, чтобы узнать, о чём идет речь. Другой пример: *“Предупреждение: Не Пейте Ещё Одной Чашки Кофе, Прежде Чем Вы Прочтёте Это”* (“*Warning: Don' Drink One More Cup Of Coffee Before You Read This*”);

- добавление элемента неожиданности – если Ваш заголовок обещает сюрприз, нечто неожиданное, тогда люди захотят узнать больше: “7

Удивительных Преимуществ Землетрясений (“7 Surprising Benefits of Earthquakes”);

- обещание хорошей истории – если журналист хочет, чтобы люди запомнили содержание статьи, то, что он хороший рассказчик, безусловно, помогает в этом: *“10 Лет После Прощания”* (“10 Years After Saying Goodbye”), *“Эта Парочка Познакомилась Самым Необычным Способом”* (“These Lovers Met In The Most Unusual Way”);

- вопрос – задавая вопрос в заголовке, журналисты тем самым бросают вызов читателям. Они создают проблему, требующую решения. Вопрос автоматически заставляет читателя захотеть узнать на него ответ: *“Ты высыпаешься? Наука говорит, что слишком много или слишком мало сна способно убить тебя”* (“Are you getting enough sleep? Science says too much or too little sleep can kill you”);

- обещание достижения – людей привлекает чувство удовлетворения и достижения. Обучая их “как” делать то или иное, особенно если это навык, который может быть полезен им, особенно если журналист предоставляет простой способ осуществить это, будет иметь успех среди читателей. Например: *“Как приготовить изысканные закуски за 5 минут”* (“How to make delicious tapas in 5 minute or so”) или *“4 Простых Способа Сэкономить Больше Электроэнергии”* (“4 Easy Hacks to Conserve Electricity”);

- привлечение цифр: цифры – это конфеты для мозга. Они помогают нам организовывать информацию в логическом порядке. Когда люди видят в тексте цифры, они думают, что информация в статье организована ясно и просто для восприятия. Как мы знаем, маленькие цифры усваиваются легче больших (так, хоть список из 100 пунктов и обещает гораздо больше информации, чем только из 5, но люди чувствуют себя подавленными таким большим числом, чтение перечисления этих ста пунктов постепенно становится утомительным). Поэтому журналисты обычно избегают столь крупных цифр или используют знаки (7 вместо “семи”, 164 вместо “сто шестьдесят четыре”), чтобы выбранное ими крупное число не звучало слишком длинно. Другое интересное открытие — это тот факт, что нечётные числа, как правило, кажутся читателям более достоверными, чем чётные, и поэтому они более популярны среди журналистов;

- общественная поддержка – люди часто полагаются на общественное мнение, чтобы определить, является ли что-то хорошим или нет. Видя в заголовках упоминание имен известных людей или ссылки на какие-нибудь организации, общественные группы, советы учёных, читатели полагают, что статья “опирается на науку” и кажется более ценной, чем другие “безымянные” статьи: *“7 Лучших Секретов Диет Голливудских Звёзд”* (“7 of Hollywood’s Best Diet Secrets”) или *“Песни Эда*

Шерина Всегда Заставляют Людей Плакать – Вот Как Он Это Делает” (“*Ed Shereen’s Songs Always Make People Cry – Here’s How He Does It*”);

- пробуждая самооценку – психологи говорят, что люди любят оценивать себя по отношению к другим. Заголовки, содержащие вопрос, заставляют людей задуматься, хорош/правилен ли их ответ и как ответили бы другие. К тому же, такие слова и фразы, как “малоизвестные стороны” или “вещи, которые Вы не знали”, или “секрет к”, предлагают читателям самим оценить себя и посмотреть, знают ли они это на самом деле: “*Постройте такой шалаши на дереве, которым Ваши дети будут гордиться*” (“*Build a tree house your children will be proud of*”);

- конкретность – указание точных выгод, которые человек получит от прочтения статьи, делает её более желанной, привлекательной и правдоподобной. Приведение статистики очень хорошо помогает в этом: “*5 Простых Шагов, Чтобы Удвоить Ваши Доходы в AdSense*” (“*5 Simple Steps To Doubling Your AdSense Revenue*”) (*AdSense – это программа компании Google*);

- выгода – когда люди читают заголовок, они, как правило, задумываются о том, сколько времени пройдет, прежде чем, например, исполнится обещание, данное в заголовке о приобретении чего-то нового после прочтения статьи. Сообщая читателям о том, как быстро они обучатся новому навыку или как скоро они добьются результатов, журналист может значительно повысить количество читателей: “*Как утроить Ваш заработок на Amazon всего за 5 месяцев*” (“*How to triple your Amazon earnings in only 5 months*”);

- ностальгия — каким бы странным это ни показалось, но это ещё один способ привлечения потенциальных читателей. Люди часто интересуются историей, поэтому упоминание об этом в заголовке – безусловно хороший способ заинтересовать их. Ссылаясь на период времени, в который выросло то или иное поколение, журналисты извлекают для себя выгоду, потому что такие воспоминания весьма эффективно привлекают большие массы людей: “*5 Блестящих Исторических Личностей, Которые Делали Очень Глупые Вещи*” (“*5 Brilliant People from History Who Did Very Stupid Things*”).

Как филологи, мы знаем, что не бывает двух идентичных слов и что всегда можно найти способ лучше сказать одну и ту же фразу. И это особенно применимо к заголовкам.

Важный, но относительно неизвестный факт о заголовках – это то, что они не всегда пишутся журналистами, чьи имена фигурируют в авторстве статьи, как подчеркивает в своем анализе языка СМИ редактор и журналист Аллан Белл (независимый социолингвистический исследователь из Новой Зеландии, многое написавший о новозеландском

английском и языке СМИ): “Все другие материалы статьи, помимо её основного текста, в некоторых журналах, как правило, создаются не журналистами: редакторы иллюстраций придумывают подписи к фотографиям, а подредакторы пишут заголовки”.

Подредактор и/или команда подредактора создаёт заголовки с учётом ограниченного выделяемого для них места. Более удивительно то, что они работают отдельно от журналистов, пишущих статьи, и, как результат, их нередко упрекают за создание заголовков, имеющих мало или вообще не имеющих никакого отношения к содержанию. Таким образом, заголовок можно рассматривать как созданный несколькими авторами, так и как “приёмный” текст.

9. Выводы

Известно выражение “нельзя судить о книге по её обложке”, но можно также предположить, что “мы судим о статье по её заглавию”.

Заголовки являются наиболее важной частью статьи. Этому есть много причин, причем одна из самых значимых: большинство людей решают, читать или не читать статью по заголовку, не думая о том, насколько хорошо или плохо может быть написана сама статья. Если у статьи слабый заголовок, ее не будут читать.

Влияние заголовков на читателя бывает более сильным, если определенные языковые особенности заголовков делают их особенно запоминающимися и эффектными. Добиться этого можно путём вышеупомянутых языковых и риторических приёмов.

Что касается объекта данного исследования, можно выделить следующие языковые особенности как типичные особенности заголовков журнала “Time”: опущение артиклей, глаголов и вспомогательных глаголов; номинализация; частое использование сложных именных словосочетаний; наречные заголовки без глагола и подлежащего; использование эмоциональной лексики; широкое использование каламбуров, игры слов и аллитераций; особое значение порядка слов, когда самые важные элементы помещены вперёд. Все эти приемы делают заголовки более эффектными и помогают им завладеть большей читательской аудиторией.

Литература / References

1. *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 462 с.
2. *Bastian, G. C.* Editing the Day's News // Macmillan Library Reference. 4th ed. New York: Macmillan, 1956. P. 6-23.
3. *Bell, A.* Language of News Media (Language in Society). Oxford/Portland: John Willey & Sons, 1991. P. 120-140.

4. *Benson, S. B.* History Behind the Headlines. Vol 4: The Origins of Conflicts Worldwide. Farmington Hills/MI: Gale Group, Inc., 2002. 316 p.
5. *Crystal, D.* The Cambridge Encyclopedia of Language // Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 3rd edition.
6. *Elson, R. T.* Time Inc: The Intimate History of a Publishing Enterprise 1923-1941. 1st ed. New York: Scribner, 1985. 500 p.
7. *Fairclough, N.* Language and Power (Language In Social Life). 2nd ed. London: Routledge, 2001. – P. 5-240.
8. *Fowler, R.* Language in the News: Discourse and Ideology in the Press // Routledge, 1991. P. 27-266.
9. *McLoughlin, L.* The Language of Magazines (Intertext). London: Taylor&Francis Ltd 2000. P. 1-115.
10. *Mardh, I.* Headlines: On the Grammar of English Front Page Headlines (Lund studies in English). Lund: Liberläromedel/Gleerup, 1980. P. 1-200.
11. *Ringrow, H.* Cosmeceuticals: the “Scientific” Language of Beauty Adverts // Babel: The Language Magazine. University of Huddersfield. №4. 07.2013. P. 38-43.

РИФМОВАННЫЙ СЛЕНГ КОКНИ В СВЕТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Е.А. Мироненко

COCKNEY RHYMING SLANG THROUGH LINGUOCULTURAL ANALYSIS

Е.А. Mironenko

ABSTRACT:

The article is devoted to Cockney Rhyming Slang and its linguocultural analysis. The aim of this research paper is to study this unique notion on various levels of the language, including primarily semantic and syntactic levels. The Oxford Dictionary of Rhyming Slang edited by John Ayto was taken as the main source for analysis. The overall number of the analyzed words are 800. After thorough examination of the given words the most popular productive patterns were singled out, as well as the main areas of the rhymed and rhyming words (the chart was made to present the results more vividly). The results of the research have shown that Cockney Rhyming Slang can be called a hybrid dialect because it comprises the typical features of social, cultural and local dialects. However after the following study it can be said with great probability that this notion might disappear within the next decade. The main reason is the lack of speakers which leads to the absence of new rhymes. Despite this fact the present article may be useful for the linguists who will study the slang to systematize the areas and productive models of formation.

Keywords: linguistics; culture, slang; dialect; cockney; rhyme; hybrid; semantics; syntax; model; pattern; area

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена исследованию лингвокультурного явления, характерного для английского языка – рифмованного сленга кокни. Цель данного исследования: изучить семантическую и синтаксическую структуру диалекта, а также проследить продуктивные модели образования рифм и выделить основные сферы их появления. За основной материал исследования был взят «Оксфордский словарь рифмованного сленга» под редакцией Джона Айто, из которого было взято около 800 слов для анализа на различных уровнях языка. Были выделены наиболее популярные шаблоны для образования рифм. Путем распределения общего количества слов для анализа по сферам был составлен соответствующий график. Результаты исследования показали, что рифмованный сленг кокни является гибридным диалектом, сочетающим в себе социальные и культурные черты, а также имеет черты локализованности. Однако после проведенного анализа с большой долей вероятности можно утверждать, что данное уникальное лингвистическое явление может полностью прекратить свое существование через 10-20 лет, так как оно перестало развиваться: количество людей, говоря-

щих на нем, уменьшается, новые рифмы не образуются. Несмотря на это, исследование семантических и синтаксических свойств сленга, а также упорядочение сфер образования рифм окажет неоспоримую помощь лингвистам в будущих работах и облегчит понимания данного явления.

Ключевые слова: лингвистика; культура; сленг; диалект; кокни; рифма; гибрид; семантика; синтаксис; модель; шаблон; область

Данная статья посвящена исследованию рифмованного сленга кокни как явления, принадлежащего одновременно к области лингвистики и культурологии.

Актуальность исследования состоит в том, что, хотя сленг, диалект и другие так называемые «отклонения от нормы произношения» сейчас находятся под довольно пристальным вниманием языковедов, рифмованный сленг кокни не вызывает особого интереса в научной среде. За последние несколько лет было издано не более десятка работ, в которых могла быть рассмотрена семантика сленга и его лексический состав, а также изучена структура образования рифм и их продуктивные модели.

Основная причина такого «научного безразличия», скорее всего, кроется в том, что многие лингвисты уверены: менее чем через десятилетие это языковое явление полностью исчезнет из употребления жителями Лондона. Последние данные указывают на то, что носителями диалекта являются в основном лондонцы преклонного возраста, что дает основания утверждать, что сегодняшнее поколение с ним почти не знакомо.

Прежде чем приступить к работе, необходимо было найти точное определение этому уникальному диалекту. Словарь Longman Dictionary of English Language and Culture имеет следующие статьи:

Кокни – житель района Ист Энд в Лондон (чаще всего представитель рабочего класса), обладающий характерным акцентом, типичным для данной части города. Кокни считается только тот человек, который родился в пределах слышимости колоколов церкви Сент-Мэри-Ле-Боу в районе Ист Энд.

Рифмованный сленг – (в основном, используется определенным классом людей в Лондоне, кокни) сленг, в котором слово заменяется фразой в рифму, и очень часто является юмористической иронией.

Примерами наиболее старых рифм являются *beef & pork* вместо *fork, apples and pears (stairs), plates of meet (feet), trouble & strife (wife)*.

Рифмованный сленг кокни зародился в начале XVIII века как тайный язык заключенных в тюрьмах. Впервые на него обратил внимание Джон Камден Хоттен, британский литератор и публицист, в своем «Словаре сленга» (1859). Согласно его определению, рифмованный сленг был придуман фальшивомонетчиками и ворами для того, чтобы запутать

полицейских. Однако за три века его основное предназначение изменилось, и сейчас новые рифмы изобретаются исключительно для юмористических целей.

Несмотря на то, что диалект зародился в Британии, он получил распространение в некоторых других англоговорящих странах, большинство из которых являются бывшими британскими колониями. В Австралию он попал вместе с заключенными из Соединенного Королевства, которых отправили в ссылку. Через некоторое время они начали добавлять слова австралийского происхождения при формировании новых рифм, что дало новый региональный диалект:

- Mark Foy = boy (название известного универмага в Сиднее, открытого в начале 1940-х);
- cheese & kisses = missis ('cheese' в кругах молодежи называли подружек);
- survivor заменили на Stuart Diver (имена тоже очень часто использовались в рифмах; Стюарт Дайвер – двадцатидесятилетний инструктор по горным лыжам, единственный выживший при сходе оползня в горах Южного Нового Уэльса в 1997 году. Трагедия унесла около 20 жизней).

В Новую Зеландию рифмы попали из Австралии. Лингвист из Университета Виктории Лори Бауэр уверен в том, что в этой стране сленг начал развиваться после выхода в 1963 довольно подробной статьи, описывающий данный феномен, в газете New Zealand Truth. Буквально сразу же люди начали придумывать новые рифмы, адаптируя под свой регион:

- to snitch (в новозеландском варианте перевода «украсть что-то») заменили на 'half-hitch' (вариант морского узла);
- the screw (прозвище для охранника тюрьмы) = 'four by two' (фраза, встречающаяся в детских стишках)

Однако стоит заметить, что волна популярности рифмованного сленга в Новой Зеландии утихла уже к началу 80-х, и в настоящее время он почти полностью исчез.

Предполагается, что в Америку сленг попал в начале XX века вместе с золотоискателями. Он был знаком только определенному кругу человек и так и не смог популяризоваться в масштабах страны. Американцы смогли создать некоторые рифмы, но их количество очень ограничено. «Оксфордский словарь рифмованного сленга» регистрирует не больше десятка, среди них:

- on your own = Tod Sloan (Тод Слоан – американский жокей 30-х годов)
- deaf = Mutt & Jeff (американские герои серии мультфильмов, созданных карикатуристом Х. К. Фишером)

- beers = Britney Spears (относительно недавно придуманная рифма, увековечивающая известную поп-певицу Бритни Спирз).

Семантический состав изобретенных рифм весьма интересен. Уникальность данного сленга состоит в том, что он одновременно является социальным и культурным. К тому же, он встречается только на определенной территории, т.е. является местным. То есть, можно сделать заключение, что это гибридный диалект.

В основе рифмованного сленга кокни лежит языковая игра. О данном явлении упомянул в своей книге *Language Play* знаменитый британский лингвист Дэвид Кристал, см.: «Рифмованный сленг основан на звуках и звуковых контрастах (фонетический уровень) и на понятии абсурдности (семантический уровень)» [Crystal 2009]

Он подчеркивает, что, изобретая рифмы сейчас, люди преследуют лишь развлекательные цели и соревнуются между собой в нарушении норм и правил английского языка. Более того, Кристал утверждает, что каждый из нас хотя бы раз в жизни играл в языковые игры. К началу XXI века они стали еще более популярными, потому что людям нравится бросать себе вызов и проверять уровень своих знаний.

Из-за стремления английского языка к упрощению, большинство рифм сокращаются при использовании в речи. Причем исчезает именно зарифмованное слово. Например, выражение *take a butcher's hook* (*take a look*) в современном варианте звучит, как *take a butcher's; shepherd's pie* (*sky*) становится просто *shepherd's*. Это усложняет задачу расшифровки рифмы, и загадка становится решаемой только для посвященных в тонкости образования рифмы. Однако есть несколько случаев, где сокращением становится невозможным. Например, там, где для рифмы используются имена (*Auntie Ruth* (*tooth*); *Uncle Fred* (*bread*)), нельзя убрать ни одно из слов, так как они оба семантически значимы.

Рифмы могут состоять из одного слова (редко), а также из двух или трех (чаще). Если рифма состоит из трех слов, то одно из них – несамостоятельная часть речи: предлог, союз или частица. Идеальная рифма состоит из двух слов, связанных союзом «и», в каждом из которых есть одно основное ударение: *ápples and péars* (*stairs*).

Согласно проведенному анализу нами выделено 8 шаблонов для построения рифм:

1. Существительное + and + существительное

Классический и наиболее популярный шаблон. Двучленная рифма, второй элемент которой рифмуется с зашифрованным словом. По такому шаблону были построены первые рифмы еще в XIX веке, но и по сей день он остается одним из самых производительных: *fag and near* (*beer*),

north and south (mouth), needle and thread (bread), skin and blister (sister), apples and spice (nice).

2. Существительное + местоимение + and + существительное

2.1 прилагательное + существительное + and + существительное;

2.2 noun+ and+ noun + pronoun

В данных шаблонах наиболее часто наблюдаются сокращения. Например, hop it and scam (ham) сокращено до hop it. В словаре зарегистрировано не так много рифм по данному шаблону: old iron and brass (grass), Big Ears and Noddy (body), boiled beef and carrot (claret) .

3. Существительное + of + существительное

Большинство рифм, созданных по данному шаблону, имеют первым элементом существительное, означающее «определенное количество чего-либо»: field of wheat (street), loaf of bread (head), plates of meat (feet), pot of honey (money).

4. Существительное + предлог + существительное

Одна из наиболее редко встречающихся моделей в словаре сленга: boys on ice (lice), grass in the park (nark), in the mood (food) ,on the floor (poor)

5. Отглагольное или адъективное существительное + существительное

Boat race (face), April showers (flowers), jam roll (parole)

6. Притяжательное существительное + существительное

Butcher's hook (look), elephant's trunk (drunk), fisherman's daughter (water), pig's ear (beer)

7. Прилагательное + существительное

Brown bread (dead), charming wife (knife), flowery dell (a cell), sunny south (mouth)

8. Существительное

В своем большинстве, рифмы, состоящие из одного слова, это сокращения (ocean liner – ocean, soldier bolt – soldier), но в словаре еще можно найти примеры тех, которые изначально задумывались, как однословные: hedgehog (wog), trombone (telephone), smash (cash).

Если рассматривать семантику описываемого явления, то можно заметить, что для последующей рифмовки берутся слова из совершенно

разных областей повседневной жизни. Можно выделить основные сферы. Количество проанализированных слов составило 795. Как мы видим, бытовая лексика, относящаяся к делам по дому, занимает первое место по популярности у авторов рифм (11,7%). Далее идет сфера еды и напитков (9,56%), а на третьем месте располагается сфера одежды и аксессуаров (6,29%). Интересно заметить, что выделены отдельные сферы, связанные с посещением уборной и сексуальными увлечениями, где большую часть составляет стилистически сниженная лексика. В данных сферах, в отличие от других, можно объяснить необходимость создания рифм: об этом не принято открыто говорить.

А откуда возникают слова, с которыми рифмуют? Здесь список не менее обширный. Например, рифмой может стать имя популярного персонажа, географический объект или даже нецензурные выражения. Помимо этого, мы можем наблюдать:

- названия фирм и институтов (*Allied Irish, Barclay's, British Railways, Bryant and May, C&A, Callard and Bowser, D'Oyly Carte, Dan Tucker, Harvey Nichols, Jack In The Box*);
- названия британских газет (*Daily Express, Daily Mail*);
- названия футбольных клубов (*Bradford City, Glasgow Rangers, Bristol Cities, Plymouth Argyll, Queens Park Rangers*);
- имена персонажей литературы, фильмов и ТВ-шоу (*Andy Pandy* (герой британской телепрограммы для детей); *Big Ears* (персонаж детской книги); *Moriarty* (герой рассказов Артура Конан Дойля о Шерлоке Холмсе);
- члены королевской семьи (*Camilla Parker Bowles*, (герцогиня Корнуэльская, супруга принца Чарльза); *the Queen*);
- имена популярных актеров, певцов и музыкантов.

Однако немногочисленные лингвисты, занимавшиеся сленгом, все еще не могут ответить на вопрос о том, почему кокни выбрали для рифм слова, относящиеся к разным семантическим полям. Возможно, этим вопросом когда-нибудь заинтересуется психолингвистика.

Подводя итог анализу такого уникального явления, как рифмованный сленг кокни, нужно еще раз отметить, что это единственный гибридный диалект в английском языке. К сожалению, в настоящее время становится все меньше и меньше тех, кто им владеет. Новые рифмы практически перестали создаваться, даже ради развлечения. Сейчас диалект используется чаще всего в Лондоне, в районе Ист-Энд для развлечения туристов. Рядом с церковью Сент-Мэри-Ле-Боу установлен банкомат, который обслуживается не на английском языке, а на рифмованном сленге кокни. Некоторые официанты в ресторанах неподалеку тоже готовы развлечь посетителей рифмами. В Интернете можно найти

несколько сайтов, создатели которых рассказывают историю сленга и даже создают своеобразные «переводчики» с обычного языка на рифмованный. Однако очевидно, что он уже не вернет себе былую популярность. Некоторые лингвисты пророчат диалекту полное исчезновение уже через 5-10 лет. Как бы то ни было, рифмованный сленг когни навсегда войдет в историю развития английского языка. А так, как он до сих пор не полностью изучен, есть надежда на то, что специалисты в различных областях найдут для себя нечто стоящее исследования и смогут вернуть интерес к данному явлению.

Литература / References

1. *Crystal D.* Language Play. London: Penguin Books, 2009. 249 p.
2. *Crystal D.* Words, Words, Words. Oxford: Oxford University Press, 2007. 216 p.
3. *Леваинова В.А.* Britain Today: Life and Institutions. М.: ИНФРА, 2001. 70 с.
4. *The Oxford Dictionary of Rhyming Slang / Ed. by J. Ayto.* Oxford: Oxford University Press, 2003. 310 p.
5. *Longman Dictionary of English Language and Culture.* 3rd edition / Ed. by M. Murphy. London: Pearson Education Ltd., 2008. 1620 p.
6. *Oxford Guide to British and American Culture.* 2nd edition / Ed. by J. Crowther. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 536 p.
7. *A Dictionary of Modern Slang, Cant, and Vulgar Words / Ed. by J. Camden Hotten.* London: Antiquarian Bookseller, 1860. 160 p.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕСТУПНИКОВ» В ОБЫДЕННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Е.В. Щенникова

THEMATIC FIELD “DENOMINATION OF CRIMINALS” AS PERCEIVED IN EVERYDAY LIFE

E. Shchennikova

ABSTRACT:

The article shows the content of Thematic Field “Denomination of Criminals” as it is perceived in everyday life; the core zone of the Field has been singled out basing on the article-by-article analysis of the Criminal Code of the Russian Federation and comprises 45 denominations. The obtained results were verified in the course of a survey carried out among non-law students. The survey showed that denominations of individuals with mental disorders (*maniacs*) are often included into the field, sporadically – denominations of wrongdoers (*fare-dodger*) and of those whose actions are not accepted in the society (*gigolo*). Correct interpretation of this Field units’ semantics will make it possible to avoid potential charges of verbal offence.

Keywords: denomination of criminals; thematic field; humiliation; Criminal Code of the Russian Federation

АННОТАЦИЯ:

В настоящей работе была предпринята попытка описать состав тематического поля «наименования преступников» в обыденном представлении. Ядерная зона данного поля выделена на основе постатейного анализа Уголовного кодекса Российской Федерации и включает 45 наименований. С целью проверки полученных результатов был проведен опрос студентов-неюристов, который показал, что в состав поля частотно включаются наименования лиц с психическими расстройствами (*маньяк*) и спорадически наименования правонарушителей (*безбилетник*), а также лиц, чье поведение порицается в обществе (*альфонс*). Правильное истолкование семантики единиц данного поля позволит избежать возможных обвинений в вербальных преступлениях.

Ключевые слова: наименования преступников; тематическое поле; унижение; Уголовный кодекс Российской Федерации

В повседневной коммуникации мы непрерывно сталкиваемся с сообщениями о различных преступлениях. Новостные выпуски, полосы периодических изданий, популярная массовая литература изобилуют описаниями убийств, насилия, угроз и подобных противозаконных действий. Само поле наименований, связанных с преступной деятельностью, является актуальным и по этой причине хорошо освоенным носи-

телями русского языка. Так, БТС содержит свыше 60 лексем, объяснение значений которых включает слово «преступник».

Анализ толкований слова «преступник» в словарях общепотребительного русского языка как гиперонима и ключевого понятия всего тематического поля «наименования преступников» показал, что данное слово именуется лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние. В то же время наблюдается устойчивая тенденция к расширительному пониманию этой лексической единицы, в том числе к ее образному употреблению: не только нарушение буквы закона, но также неких принятых в социуме норм и правил поведения (неписаных законов) становится основанием для подобного обвинения [подробнее об этом см. в: Фролова 2015 и 2016]. Тем самым, можно предположить, что в обыденном представлении тематическая группа «наименования преступников» окажется обширнее, нежели в юридическом дискурсе.

Сперва выделим номинации, принадлежность которых к рассматриваемой тематической группе объективирована внеязыковой действительностью посредством фиксации в соответствующем нормативно-правовом акте, а именно в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ). Особенная часть УК РФ содержит закрытый перечень деяний, признаваемых в современном российском обществе преступлением. Анализ представленных в этой части диспозиций в редакции от 23 марта 2015 г. позволил выделить список из 45 наименований, соотносимых с конкретными статьями УК РФ, например: *вымогатель* (ст. 163 УК РФ *Вымогательство*), *террорист* (ст. 205 УК РФ *Террористический акт*) и др. Проведенный анализ четко обозначил существующие в литературном русском языке лакуны: отсутствие слов для именования субъекта *геноцида*, *побоев*, *халатности* и некоторых других преступлений. Ниже приводится полученный в результате анализа алфавитный список номинаций из тематической группы «наименования преступников»:

бандит, беглец, браконьер, вандал, взломщик, взятокодатель, взяточник, видеопират, вор, вымогатель, грабитель, дезертир, диверсант, захватчик, изменник, истязатель, клеветник, контрабандист, лжесвидетель, мошенник, мятежник, наемник, наркоторговец, насильник, осквернитель, пират, посягатель, похититель, работорговец, разбойник, развратник, растлитель, растратчик, сепаратист, сутенер, террорист, убийца, угонщик, укрыватель, фальсификатор, фальшивомонетчик, хакер, хулиган, шантажист, шпион.

Выделенные наименования относятся к констатирующим: они не только обозначают «негативную с точки зрения интересов общества (или его большинства) деятельность, занятия, поступки, поведение ко-

го-либо <...> но имеют четкую юридическую квалификацию» [Понятия чести, достоинства и деловой репутации: 68]. Их употребление в речи по отношению к конкретному лицу может рассматриваться в качестве основания для подачи искового заявления о защите чести и достоинства, клевете. Согласно данным толковых словарей, однако, не все эти наименования в равной мере соотносятся с противозаконной деятельностью. Так, на периферии ее оказываются слова *беглец*, *наемник*, *посягатель*, *развратник*, в толкованиях которых отсутствует сема 'нарушение закона'.

Очевидно, что полученный на основании постатейного анализа УК РФ список из 45 наименований не может считаться исчерпывающим. Во-первых, национальный язык изобилует синонимами {социолектными единицами, например, для обозначения *вора* – *ельня*, *рокло*, *стырцик*, *уркаган*, *черпун*, *юрник* и др. [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона 1992: 304]; заимствованиями вроде *гангстер*, *киллер*, *рэкети́р*} и демонстрирует высокую степень детализации значимых понятий (не просто *убийца*, а *детоубийца*, *мужеубийца*, *отцеубийца*, *цареубийца* и подобные). Во-вторых, помимо УК РФ, имеются иные нормативно-правовые акты, которые можно рассматривать в качестве источника специализированных обозначений, см.: *коррупционер* (от *коррупция* в Федеральном законе «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ), *экстремист* (от *экстремизм* в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ) и иные. Тем не менее, мы предположили, что именно эти 45 общеупотребительных литературных наименований нейтрального уровня конкретности, непосредственно соотносимых с действующим УК РФ, составляют ядро тематического поля «наименования преступников».

Неюристы, подчас не обладая достаточным знанием УК РФ и испытывая затруднения при правильном истолковании языка законов, имеют неточное представление о допустимости или признанной Законодателем степени общественной опасности того или иного деяния. В связи с этим мы предположили, что в обыденном представлении в тематическую группу «наименования преступников» могут оказываться включенными обозначения лиц, не виновных в совершении уголовно наказуемого деяния. Для проверки этой гипотезы был проведен пилотный опрос, в рамках которого респондентам предлагалось выполнить следующее задание: «Перечислите все известные вам названия преступников». Участие в опросе приняло 15 человек в возрасте от 20 до 50 лет, имеющих высшее образование по различным специальностям, отличным от юридической. В полученных ответах, наравне с обозначениями преступников, наиболее четко выделились группы, объединяющие лиц,

которые а) совершили правонарушение, предусмотренное Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ), или б) имеют психические расстройства или в) осуществляют деятельность, осуждаемую в социуме, но в рамках действующих законов неподсудную, например: *альфонс, безбилетник, садист, педофил, ростовщик* и др.

С целью проверки полученных в результате пилотного опроса выводов нами совместно с д.ф.н. О. Е. Фроловой было разработано два типа анкет. В качестве респондентов выступило 100 студентов обоих полов в возрасте от 18 до 22 лет, обучающихся в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по филологической и технической специальностям. Период проведения опроса – весна 2015 года, место проведения опроса – филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.

Остановимся подробнее на каждом из типов анкет и полученных в рамках опроса результатах.

В первой анкете респондентам предлагалось составить список номинаций, отвечающих определенным требованиям:

Напишите названия ПРЕСТУПНИКОВ. Желательно, чтобы это были:

- однословные обозначения (не словосочетания типа «нелегальный иммигрант»),
- *литературные, общеупотребительные слова (не жаргонные названия типа «мазурик»),*
- *нарицательные существительные (не имена собственные типа «Березовский»).*

В результате опроса было получено 106 уникальных единиц (всего 768 словоупотреблений), не все из которых удовлетворяют заданным нами критериям; среди них словосочетания (*криминальный авторитет*), имена собственные (*Мориарти, Раскольников*), стилистически маркированные обозначения (*барыга, домушник, душегуб, жиган, зек, лиходей, урка*), единицы с другим значением (*законник*) и неологизмы (*козлокрад*). Особенность формулировки задания (выбор слова «названия» вместо «разновидности» / «типы») также дала ряд родо-видовых вариантов, непригодных для целей нашего исследования, среди них гиперонимы (*виновный, деликвент, заключенный, киберпреступник, нарушитель, оступившийся, осужденный, правонарушитель, уголовник*) и гипонимы (*жулик, мародер, отравитель, потрошитель, расхититель, шулер*), семантически или ассоциативно связанные с заданной темой наименования (*заказчик, исполнитель, каторжник, опущенный*).

Из 45 полученных нами на основании анализа УК РФ наименований 23 оказалось хотя бы единожды упомянуто респондентами в ответах,

еще для двух были предложены допустимые по смыслу эквиваленты: *изменник* ~ *предатель*, *истязатель* ~ *садист*. В результате систематизации полученной информации установлено, что максимальное количество упоминаний получили слова *вор* (86 респондентов внесли его в свой список) и *убийца* (81 респондент), одновременно эти слова чаще других занимали одно из первых мест в ответах. Практически в два раза по частотности им уступили наименования *мошенник* (44 респондента), *насильник* (43 респондента) и *грабитель* (39 респондентов). Замыкают десятку наиболее упоминаемых наименований преступников слова *бандит*, *маньяк*, *карманник*, *разбойник*, а также *киллер* и *взломщик* (последние 2 слова были внесены равное количество раз). За исключением слова *маньяк* все они соотносятся со статьями УК РФ. Таким образом, первая часть опроса показала, что ядро рассматриваемой тематической группы в обыденном представлении образованной молодежи (студентов-неюристов) составляют обозначения преступников, виновных в посягательстве на жизнь и здоровье, а также на собственность других лиц. *Вор* и *убийца* при этом являются прототипическими преступниками.

В подтверждение ранее сделанных выводов в полученных списках были выявлены группы наименований преступников, не соответствующих юридическому определению понятия. Это обозначения лиц, а) страдающих различного рода перверсиями (*зоофил*, *извращенец*, *копрофил*, *некрофил*, *педофил*) и психическими расстройствами (*каннибал*, *маньяк*, *садист*), б) вовлеченных в социально неодобряемую, порицаемую деятельность (*заговорщик*, *палач*), в) признаваемых преступниками в соответствии с Уголовным кодексом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, далее УК РСФСР (*перекупщик*, *спекулянт*). Примечательно, что в полученный словник не вошли наименования лиц, виновных в административных правонарушениях в соответствии с КоАП РФ.

Среди 20 оставшихся без упоминания наименований из списка (*беглец*, *браконьер*, *взяткодатель*, *видеопират*, *дезертир*, *диверсант*, *захватчик*, *клеветник*, *лжесвидетель*, *мятежник*, *наемник*, *осквернитель*, *посягатель*, *развратник*, *растлитель*, *растратчик*, *укрыватель*, *фальсификатор*, *шантажист*, *шпион*) обращает на себя внимание безразличие респондентов к вербальным преступлениям (клевета и ложные показания). Нельзя не отметить нередко оценочный характер ряда предложенных в ответах номинаций, которые выражают пренебрежение респондентов к именуемым лицам и их действиям, осуждение: *глупый*, *злодей*, *негодяй*, *плохой*, *подлец*, *проходимец*, *оступившийся*.

Во второй анкете респондентам предлагалось произвести разметку заранее подготовленного алфавитного списка из 58 номинаций

на предмет выявления в нем наименований преступников (см. ниже). В этот список, помимо собственно наименований преступников, были включены обозначения правонарушителей (в том числе слова *безбилетник, наркоман, проститутка*), приверженцев определенных взглядов (в том числе слова *исламист, либерал, фашист*), лиц с психическими расстройствами и заболеваниями (в том числе слова *игроман, каннибал, нимфоманка*), преступников в соответствии с УК РСФСР (в том числе слова *гомосексуалист, диссидент, тунеядец*), а также наименования, которым в бытовом представлении могут сопутствовать негативные смыслы (в том числе слова *должник, живодер, олигарх*). Для контроля отдельные номинации дублировались в форме синонимов, см. пары *взяточник ~ коррупционер, гомосексуалист ~ содомит, дебошир ~ хулиган, изменник ~ предатель, киллер ~ убийца, подстрекатель ~ провокатор*.

Отметьте произвольным знаком названия ПРЕСТУПНИКОВ в списке:

№ п/п	название	№ п/п	название
1	алиментщик	30	наркоман
2	алкоголик	31	насильник
3	бандит	32	националист
4	безбилетник	33	некрофил
5	бомж	34	нимфоманка
6	вандал	35	олигарх
7	взяточник	36	оппозиционер
8	вор	37	педофил
9	гомосексуалист	38	пират
10	дебошир	39	подстрекатель
11	дезертир	40	предатель
12	диссидент	41	провокатор
13	должник	42	проститутка
14	живодер	43	радикал
15	игроман	44	ревизионист

№ п/п	название	№ п/п	название
16	иждивенец	45	рейдер
17	извращенец	46	садист
18	изменник	47	сепаратист
19	исламист	48	содомит
20	каннибал	49	спекулянт
21	киллер	50	сутенер
22	контрабандист	51	транссексуал
23	коррупционер	52	туняец
24	либерал	53	убийца
25	маньяк	54	фальшивомонетчик
26	мигрант	55	фашист
27	многоженец	56	хулиган
28	мошенник	57	шпион
29	наемник	58	экстремист

Оговоримся, что части опроса проводились последовательно и данные из готового списка не могли оказать влияние на полученный свободный словарь.

Из 22 представленных в списке базовых наименований преступников 15 вошло в первую двадцатку по частотности выделения, что отражает неплохой уровень знания современными студентами уголовного законодательства России. Наряду с этими наименованиями наиболее активно выделялись слова *маньяк*, *каннибал* и *педофил*, которые, по всей видимости, в силу коннотируемых ими смыслов соотносятся в первую очередь с возможными проявлениями массового насилия, убийствами, при том что именуют их причину – психическое расстройство субъекта. Ср.: слова *алкоголик* и *игроман*, также обозначающие лиц с патологиями, получили только по 1 выделению каждое.

Для наглядности ниже в таблице сопоставлены фрагменты результатов опроса, ранжированные по частоте.

Таблица. Сопоставление результатов опроса

№ п/п	Первая часть опроса	Количество упоминаний	Вторая часть опроса	Количество выделений
1	вор	86	вор	97
2	убийца	81	убийца	97
3	мошенник	44	бандит	96
4	наильник	43	взяточник	95
5	грабитель	39	наильник	95
6	бандит	38	мошенник	93
7	маньяк	37	маньяк	91
8	карманник	21	фальшивомонетчик	91
9	разбойник	18	коррупционер	90
10	нарушитель	17	контрабандист	87
11	киллер	17	вандал	86
12	взломщик	17	киллер	86
13	уголовник	17	педофил	83
14	жулик	16	живодер	79
15	террорист	15	каннибал	75
16	злоумышленник	13	экстремист	70
17	хулиган	12	пират	65
18	педофил	10	сугенер	65
19	аферист	10	фашист	55
20	фальшивомонетчик	10	дезертир	54

Таблица наглядно показывает соотносимость полученных результатов и наличие значительного количества совпадений. Вторая часть опроса вновь отразила значимость для обыденного сознания преступлений, связанных с угрозой жизни, здоровью и собственности. Так, в подавляющем большинстве случаев *вор* и *убийца* были помечены как преступники. В этой связи стоит также обратить внимание на довольно высокую частотность выделения для слов *взяточник* и *коррупционер* (95 и 90, соответственно), в отличие от предшествующих результатов (7 и 5, соответственно).

Результаты второй части опроса примерно в четверти случаев демонстрируют примеры расширения исследуемого тематического поля за счет включения в него наименований лиц, виновных в административном правонарушении (*наркоман* в отличие от *наркоторговец*; *безбилетник*, *проститутка*) или неблагоприятном поведении, за которое не предусмотрена ответственность в действующем УК РФ, в отличие от УК РСФСР (*многоженец*, *тунядец*). Обвинительный уклон в ответах респондентов проявился при оценке номинаций *алиментщик* и *живодер*, несмотря на их «легальное» значение, что, вероятно, может объясняться общей тематикой опроса.

В целом результаты опроса демонстрируют неплохой уровень знания российского законодательства в среде образованной молодежи.

Ответы студентов-неюристов позволяют с достаточной долей уверенности предположить, что в обыденном представлении ядро тематического поля «наименования преступников» составляют обозначения лиц, посягнувших на жизнь и здоровье, а также на чужую собственность и в связи с этим виновных в уголовно наказуемых деяниях. Прототипическими преступниками при этом выступают *вор* и *убийца*. Приядерную зону поля, согласно полученным результатам, занимают наименования лиц с психическими расстройствами (например *маньяк*, *педофил*), которые могут проявляться в общественно опасном поведении. Периферийную зону поля составляют наименования лиц, совершивших административное правонарушение (например *безбилетник*) или вовлеченных в социально порицаемую, неодобряемую деятельность (например *альфонс*, *живодер*). Наполнение тематического поля «наименования преступников» лексическим материалом в обыденном представлении определяется, тем самым, не только объективированным критерием законности, но также субъективной оценкой конкретных действий и состояний как опасных или недопустимых в социуме.

Единицы тематического поля «наименования преступников» имеют «пейоративную оценку, общественно осознаваемую и реально воспринимаемую адресатом как оскорбительную или клеветническую характеристику» [Понятия чести, достоинства и деловой репутации 2004: 69] и при предикатном употреблении способны реализовать свой конфликтно-генный потенциал [см., например, Бринев 2014: 116]. В связи с этим говорящему следует с особой осторожностью использовать подобные обвинения в своей речи, чтобы, в свою очередь, не быть привлеченным к ответственности за совершение вербального преступления.

Литература / References

1. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика: монография / К.И. Бринев. М.: Флинта : Наука, 2014.
2. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецова. СПб: Норинт, 2000.
3. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М.: Медя, 2004.
4. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М.: Края Москвы, 1992.
5. Фролова О.Е. О метафоре в лексико-семантической группе «преступник» // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 154–167.
6. Фролова О.Е. Слово *преступник* в словарях и в речи // Русская речь. М.: Наука, 2015. № 6. С. 40–45.

МЕТАФОРИКА «СЛОВА», «МУЗЫКИ» И «ТИШИНЫ» В РОМАНЕ В. ВУЛЬФ «МЕЖДУ ДЕЙСТВИЯМИ»

А. А. Изотова

METAPHORS OF “WORD”, “MUSIC” AND “SILENCE” IN THE NOVEL “BETWEEN THE ACTS” BY VIRGINIA WOOLF

A.A. Izotova

ABSTRACT:

The present article is devoted to the role of metaphors connected with the concepts of “word”, “music” and “silence” in the artistic text of the novel “Between the Acts” by Virginia Woolf

Keywords: metaphor, metaphORIZATION, English linguoculture, Virginia Woolf

АННОТАЦИЯ:

Настоящая статья посвящена роли и месту метафор, связанных с понятиями «слова», «музыки» и «тишины» в художественном пространстве романа Вирджинии Вульф «Между действиями».

Ключевые слова: метафора, метафоризация, английская лингвокультура, Вирджиния Вульф

Исследования метафоры как способа познания национальной лингвокультуры занимают значительное место в современной лингвистике и продолжают оставаться перспективными.

Вирджиния Вульф принадлежит к числу писателей, активно использующих метафоризацию в построении художественного текста, ср. [Изотова 2001; 2011; 2012].

На последующих страницах мы попытались классифицировать метафоры, представленные в романе Вирджинии Вульф «Между действиями» (*Between the Acts*), разделив их на три основные группы в соответствии с частотностью использования.

Первая группа метафор – это метафоры, связанные с понятием «слова». Обратимся к примерам. В следующем отрывке показано воздействие цитаты из Байрона на мысли главной героини романа Изабеллы Оливер, поэтессы, жены сток-брокера. Изабелла размышляет о Руперте Хайнсе, в которого она влюблена, и слова Байрона как будто образуют для неё два совершенных кольца, которые поддерживают на поверхности воды её и Хайнса подобно двум лебедям. Однако данный метафорический образ стилистически снижается за счет оживления буквального

значения слова «swan» – его белоснежная грудь оказывается испачканной ряской, а её перепончатые ноги связаны её мужем, ср.

‘She walks in beauty like the night,’ he quoted.

Then again:

‘So we’ll go no more a-roving by the light of the moon.’

Isa raised her head. The words made two rings, perfect rings, that floated them, herself and Haines, like two swans down stream. But his snow-white breast was circled with a tangle of dirty duckweed; and she too, in her webbed feet was entangled, by her husband, the stockbroker. Sitting on her three-cornered chair she swayed, with her dark pigtailed hanging, and her body like a bolster in its faded dressing-gown.

Слова, произнесенные нянями, гуляющими с детьми летом в сельской местности, оказываются «перекатывающимися словами» (rolling words), похожими на конфеты во рту, ср.:

The nurses after breakfast were trundling the perambulator up and down the terrace; and as they trundled they were talking – not shaping pellets of information or handing ideas from one to another, but rolling words, like sweets on their tongues; which, as they dunned to transparency, gave off pink, green, and sweetness. This morning that sweetness was: ‘How cook had told ’im off about the asparagus; how when she rang I said: how it was a sweet costume with blouse to match;’ and that was leading to something about a feller as they walked up and down the terrace rolling sweets, trundling the perambulator.

Изабелла Оливер вспоминает слова, сказанные ей Рупертом Хайнсом, и эти слова становятся для неё метафорически подобными сплетенному звенящему проводу, жужжащему пропеллеру аэроплана, что пронизывает всё её влюбленное естество, ср.

She returned to her eyes in the looking-glass. ‘In love’, she must be; since the presence of his body in the room last night could so affect her; since the words he said, handing her a teacup, handing her a tennis racquet, could so attach themselves to a certain spot in her; and thus lie between them like a wire, tingling, tangling, vibrating – she groped, in the depths of the looking-glass, for a word to fit the infinitely quick vibrations of the aeroplane propeller that she had seen once at dawn at Croydon. Faster, faster, faster, it whizzed, whirred, buzzed, till all the flails became one Sail and up soared the plane away and away...

Для Изабеллы Оливер слова миссис Свинин и её собеседника привычны и знакомы, она слышит их из года в год. Поэтому в следующем контексте эти слова уподоблены упорядоченному звону колоколов (а

chime of bells) – когда вы слышите первый звон, за ним неизменно следует второй и третий, ср.:

‘I’ve been nailing the placard on the Barn,’ she said, giving him a little pat on the shoulder.

The words were like the first peal of a chime of bells. As the first peals, you hear the second; as the second peals, you hear the third. So when Isa heard Mrs Swithin say: ‘I’ve been nailing the placard to the Barn,’ she knew she would say next:

‘For the pageant.’

Вторая группа метафор строится на понятии «музыка». Рассмотрим примеры. В приведенном ниже отрывке показаны размышления Изабеллы Оливер поэтического характера. Героиня думает о том, увидит ли вновь цветы боярышника, орешника, скользящего как по волнам в воздухе дятла, услышит ли она песню дрозда на трепещущей ветке. Номинально к музыке здесь можно отнести лишь песню дрозда, но весь контекст создает музыкально-поэтическую полифонию звучания, ср.:

‘I must say,’ the voice said behind her, ‘it’s brave of the King and Queen. They’re said to be going to India. She looks such a dear. Someone I know said his hair...’

‘There,’ Isa mused, ‘would the dead leaf fall, when the leaves fall, on the water. Should I mind not again to see may tree or nut tree? Not again to hear on the trembling spray the thrush sing, or to see, dipping and diving as if he skimmed waves in the air, the yellow woodpecker?’

She was looking at the canary yellow festoons left over from the Coronation.

Коббет, один из жителей деревни, слышит музыку в словах, для него музыка раскрывает тайны, пробуждает к жизни. Он размышляет о том, как следует наблюдать за цветами и прислушиваться к красному, белому, серебристому и голубому оттенкам, излучаемых ими. Он слышит музыку в беседе деревьев, где шелест листвы просит нас о чем-то подобно скворцам, в веселом говоре грачей, ср.:

Here Gobbet of Cobbs Corner who had stooped – there was a flower – was pressed on by people pushing from behind.

For I hear music, they were saying. Music wakes us. Music makes us see the bidden, join the broken. Look and listen. See the flowers, how they ray their redness, whiteness, silverness, and blue. And the trees with their many-tongued much syllabbling, their green and yellow leaves hustle us and shuffle us, and bid us, like the starlings, and the rooks, come together, crowd together, to chatter and make merry while the red cow moves forward and the black cow stands still.

В восприятии зрителей, смотрящих пьесу в деревне на открытом воздухе, скользящие листочки танцуют вальс, а деревья подобны серьезным сенаторам в совете или величественным колоннам собора. Метафорически они запирают на засов и тайно хранят музыку, не давая ей перелиться через край, ср.:

Suddenly the tune stopped. The tune changed. A waltz, was it? Something half known, half not. The swallows danced it. Round and round, in and out they skimmed. Real swallows. Retreating and advancing. And the trees, O die trees, how gravely and sedately like senators in council, or the spaced pillars of some cathedral church.... Yes, they barred the music, and massed and hoarded; and prevented what was fluid from overflowing. The swallows – or martins were they? The temple-haunting martins who come, have always come...

Разочарование своей собственной постановкой пьесы мисс Ля Троб подчеркивается в контексте налетом скворцов на дерево, за которым она пряталась. Дерево становится жужжащим от птиц и превращается в рапсодию, даже в дрожащую какофонию, но затем в восторг – жизнь, бьющая через край, нестройно звучит в песнях птиц и в шелесте ветвей, ср.:

‘A failure,’ she groaned, and stopped to put away the records.

Then suddenly the starlings attacked the tree behind which she had hidden. In one flock they pelted it like so many winged stones. The whole tree hummed with the whizz they made, as if each bird plucked a wire. A whizz, a buzz rose from the bird-buzzing, bird-vibrant, bird-blackened tree. The tree became a rhapsody, a quivering cacophony, a whizz and vibrant rapture, branches, leaves, birds syllabing discordantly life, life, life, without measure, without stop devouring the tree. Then up! Then off!

Третья группа метафор основана на понятии «тишина», причем это может быть и тишина дома, и безмолвие природы, и сдерживание эмоций, и картины воображения персонажей. Приведем примеры. Комната метафорически сравнивается с раковиной (a shell), она является отражением того, что существовало еще до самого времени. Гладкая алебастровая ваза выступает как символ пустоты и безмолвия. Стилистический эффект усиливается повтором прилагательных empty и silent, ср.:

He was a talk producer, that ancestor. But the lady was a picture. In her yellow robe, leaning, with a pillar to support her, a silver arrow in her hand, and a feather in her hair, she led the eye up, down, from the curve to the straight, through glades of greenery and shades of silver, dun, and rose into silence. The room was empty.

Empty, empty, empty; silent, silent, silent. The room was a shell, singing of what was before time was; a vase stood in the heart of the house, alabaster, smooth, cold, holding the still, distilled essence of emptiness, silence.

Мужа Изабеллы Гайлза Оливера раздражают суждения Уильяма Доджа по поводу истории. Сдерживание эмоций подчеркивается в контексте метафорическим сравнением – это вешалка, на которую Гайлз повесит свой гнев, как обычно вешают на крючок пальто, ср.:

William Dodge caught it as it fell. He held it for a moment. He turned it. From the faint blue mark, as of crossed daggers, in the glaze at the bottom he knew that it was English, made perhaps at Nottingham; date about 1760. His expression, considering the daggers, coming to this conclusion, gave Giles another peg on which to hang his rage as one hangs a coat on a peg, conveniently. A toady; a lickspittle; not a downright plain man of his senses.

Стройные деревья уподобляются колоннам церкви без крыши, колоннам собора на открытом воздухе, создается величественный одухотворенный образ безмолвной природы. Ласточки, танцуя, образуют узор, но танцуют они не под музыку, а под неслышимый ритм их собственных страстных сердец (to the unheard rhythm of their own wild hearts), ср.:

The other trees were magnificently straight. They were not too regular; but regular enough to suggest columns in a church; in a church without a roof; in an open-air cathedral, a place where swallows darting seemed, by the regularity of the trees, to make a pattern, dancing, like the Russians, only not to music, but to the unheard rhythm of their own wild hearts.

Дуновение легкого ветерка, заставляющего трепетать шторы из муслина, создает метафорический образ величественной богини, поднимающейся с трона в янтарном одеянии и плывущей по небу под смех других богов, ср.:

And then a breeze blew and all the muslin blinds fluttered out, as if some majestic goddess, rising from her throne among her peers, had tossed her amber-coloured raiment, and the other gods, seeing her rise and go, laughed, and their laughter floated her on.

Печальные размышления Изабеллы даются сквозь призму её знания о неверности мужа. Героиня воображает себя бредущей то в тоннелях, где гуляет слепой ветер, где не растут и не цветут розы, то в пустом поле, где вечер не набрасывает свой покров, где не восходит солнце, где взгляд ищет убежище от другого взгляда. Воображение Изабеллы рисует картину безысходности, ср.:

She dropped her flower. What single, separate leaf could she press? None. Nor stray by the beds alone. She must go on; and she turned in the direction of the stable.

‘Where do I wander?’ she mused. ‘Down what draughty tunnels? Where the eyeless wind blows? And there grows nothing for the eye. No rose. To issue where? In some harvestless dim field where no evening lets fall her mantle; nor sun rises. All’s equal there. Unblowing, ungrowing are the roses there. Change is not; nor the mutable and lovable; nor greetings nor partings; nor furtive findings and feelings, where hand seeks hand and eye seeks shelter from the eye.’

Ливень, прервавший спектакль на открытом воздухе, метафорически воспринимается Изабеллой и другими персонажами как слезы – это и слёзы самой героини, и рыдания всех людей в мире, скорбящих о всех людях. Стилистически отрывок эмфатизируется повтором слова *tears*, ср.:

And then the shower fell, sadden, profuse.

No one had seen the cloud coming. There it was, black, swollen, on top of them. Down it poured like all the people in the world weeping. Tears. Tears. Tears.

‘O that our human pain could here have ending!’ Isa murmured. Looking up she received two great blots of rain full in her face. They trickled down her cheeks as if they were her own tears. But they were all people’s tears, weeping for all people. Hands were raised. Here and there a parasol opened. The rain was sudden and universal. Then it stopped. From the grass rose a fresh earthy smell.

Таким образом, проанализированные нами метафоры, связанные с понятиями «слова», «музыки» и «тишины», существенно обогащают стиль и поэтику романа В. Вульф. Дальнейшие перспективы разработки данной проблематики мы видим в обращении к корпусному материалу, ср. [Изотова 2014].

Литература / References

1. Изотова А.А. Метасемиотика описания в романе Айрис Мердок «Замок на песке» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 16. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 54-58.
2. Изотова А.А. Аллегории и метафоры в романе В. Вульф «Волны» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 43. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 64-72.
3. Изотова А.А. Метасемиотическое звучание как часть авторского замысла в романе А. Мердок «Ученик философа» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 44. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 63-67.
4. Изотова А.А. Идиоматическая фразеология и корпус // Вестник университета (Государственный университет управления). 2014. №21. С. 258-260.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ КОНЦЕПТЫ «ДЕРЕВО», «ЦВЕТОК» И «ПТИЦА» В РОМАНЕ В. ВУЛЬФ «МИССИС ДЭЛЛОУЭЙ»

A. A. Изотова

INDIVIDUAL-AUTHOR'S CONCEPTS OF "TREE", "FLOWER" AND "BIRD" IN THE NOVEL "MRS DALLOWAY" BY VIRGINIA WOOLF

A.A. Izotova

ABSTRACT:

The present article is devoted to the role of metaphors connected with the individual-author's concepts of "tree", "flower" and "bird" in the artistic text of the novel Mrs. Dalloway by Virginia Woolf

Keywords: English linguoculture; Virginia Woolf; metaphor; metaphorization

АННОТАЦИЯ:

Настоящая статья посвящена роли и месту индивидуально-авторских концептов «дерево», «цветок» и «птица» в художественном пространстве романа Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй».

Ключевые слова: метафора; метафоризация; английская лингвокультура; Вирджиния Вульф

В настоящей статье дано лингвокогнитивное описание индивидуально-авторских концептов «дерево», «цветок» и «птица», которые являются ключевыми в концептосфере романа Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй». К сходной проблематике мы обращались в [Изотова 2001; 2011; 2014].

Обратимся к рассмотрению концепта «дерево». В приведенном ниже контексте главная героиня романа Кларисса Дэллоуэй, светская дама, интуитивно чувствующая людей, размышляет о своей жизни. Героиня тонко ощущает себя туманом ("mist") между людьми, которые рассеивают его подобно ветвям деревьев ("branches"), ср.

... but that somehow in the streets of London, on the ebb and flow of things, here, there, she survived, Peter survived, lived in each other, she being part, she was positive, of the trees at home; of the house there, ugly, rambling all to bits and pieces as it was; part of people she had never met; being laid out like a mist between the people she knew best, who lifted her on their

branches as she had seen the trees lift the mist, but it spread ever so far, her life, herself.

Миссис Дэллоуэй раздражает, что в её душе после болезни, давшей осложнение на сердце, иногда пробуждается чудовище – ненависть, завуалированный эгоизм. При этом душа героини метафорически сравнивается с густым лесом (“leaf-encumbered forest”), а чудовище пробирается по лесу, хрустя ветками (“twigs cracking”) и подтачивает корни деревьев (“roots”), ср.:

It rasped her, though, to have stirring about in her this brutal monster! to hear twigs cracking and feel hooves planted down in the depths of that leaf-encumbered forest, the soul; never to be content quite, or quite secure, for at any moment the brute would be stirring, this hatred, which, especially since her illness, had power to make her feel scraped, hurt in her spine; gave her physical pain, and made all pleasure in beauty, in friendship, in being well, in being loved and making her home delightful rock, quiver, and bend as if indeed there were a monster grubbing at the roots, as if the whole panoply of content were nothing but self love! this hatred!

В своем красивом и роскошном доме миссис Дэллоуэй любит каждую вещь. Зная все звуки и шорохи в доме, героиня чувствует себя счастливой, ощущает блаженство, ибо такие моменты для неё как почки на древе жизни (“buds on the tree of life”), таинственные цветы, ср.:

The hall of the house was cool as a vault. Mrs. Dalloway raised her hand to her eyes, and, as the maid shut the door to, and she heard the swish of Lucy's skirts, she felt like a nun who has left the world and feels fold round her the familiar veils and the response to old devotions. The cook whistled in the kitchen. She heard the click of the typewriter. It was her life, and, bending her head over the hall table, she bowed beneath the influence, felt blessed and purified, saying to herself, as she took the pad with the telephone message on it how moments like this are buds on the tree of life, flowers of darkness they are, she thought (as if some lovely rose had blossomed for her eyes...

Для Питера Уолша, отвергнутого жениха Клариссы, именно восприятие ею его избранницы Дейзи и её детей становится волшебным. Питер Уолш в глубине души всё еще любит Клариссу, и воспоминания об их прежней любви для него подобны тому, как из зажженного серого катышка из хлеба на тарелке выросло прекрасное дерево (“had risen up a lovely tree”), ср.:

There they are! he thought. Do what you like with them, Clarissa! There they are! And second by second it seemed to him that the wife of the Major in the Indian Army (his Daisy) and her two small children became more and

more lovely as Clarissa looked at them; as if he had set light to a grey pellet on a plate and there had risen up a lovely tree in the brisk sea-salted air of their intimacy (for in some ways no one understood him, felt with him, as Clarissa did) - their exquisite intimacy.

Питер Уолш ищет уединения в парках и скверах. Думая о Клариссе, он начинает персонифицировать сначала ветви деревьев, наделяя их женственностью, а затем таинственный трепет листьев (“a dark flutter of leaves”) ассоциируется у него с милосердием, пониманием и прощением, ср.:

By conviction an atheist perhaps, he is taken by surprise with moments of extraordinary exaltation. Nothing exists outside us except a state of mind, he thinks; a desire for solace, for relief, for something outside these miserable pigmies, these feeble, these ugly, these craven men and women. But if he can conceive of her, then in some sort she exists, he thinks, and advancing down the path with his eyes upon sky and branches he rapidly endows them with womanhood; sees with amazement how grave they become; how majestically, as the breeze stirs them, they dispense with a dark flutter of the leaves charity, comprehension, absolution, and then, flinging themselves suddenly aloft, confound the piety of their aspect with a wild carouse.

В восприятии Септимуса Уоррена Смита, клерка, его жена Лукреция похожа на цветущее дерево (“a flowering tree”). И хотя из-за ветвей этого дерева выглядывает лицо блюстителя закона, героиня одерживает победу - не пускает на порог их дома психиатра, который подозревал сумасшествие у её мужа, ср.:

Shuffling the edges straight, she did up the papers, and tied the parcel almost without looking, sitting close, sitting beside him, he thought, as if all her petals were about her. She was a flowering tree; and through her branches looked out the face of a lawgiver, who had reached a sanctuary where she feared no one; not Holmes; not Bradshaw; a miracle, a triumph, the last and greatest.

Дочь Клариссы и Ричарда Дэллоуэй Элизабет, очаровательную молодую девушку, многие гости на приеме у миссис Дэллоуэй сравнивают с топодем (“a poplar”), с рекой, с гиацинтом, ср.:

And that very handsome, very self-possessed young woman was Elizabeth, over there, by the curtains, in red. (She was like a poplar, she was like a river, she was like a hyacinth, Willie Titcomb was thinking. Oh how much nicer to be in the country and do what she liked! She could hear her poor dog howling, Elizabeth was certain. She was not a bit like Clarissa, Peter Walsh said.

Перейдем к анализу концепта «цветок». Потрясение, которое Кларисса Дэллоуэй испытывает, узнав, что известная в их кругу светская дама леди Брутон пригласила на обед её мужа Ричарда без неё, оказывается подобным тому, как от приближающегося весла трепещет растение у русла реки, ср.:

"Fear no more," said Glarissa. Fear no more the heat of the sun; for the shock at Lady Bruton asking Richard to lunch without her made the moment in which she had stood shiver, as a plant on the riverbed feels the shock of a passing oar and shivers; so she rocked: so she shivered.

Лукреция, жена Септимуса Уоррена Смита, модистка, шьющая шляпки для дам. После свадьбы она покинула родную Италию и переехала к мужу в Лондон, где её было очень трудно приспособиться к жизни. Септимус воспринимает героиню, сидящую за работой, как бледную таинственную лилию, погруженную в воду ("pale, mysterious, like a lily, drowned, under water"), ср.

There Rezia sat at the table trimming hats. She trimmed hats for Mrs. Filmer's friends; she trimmed hats by the hour. She looked pale, mysterious, like a lily, drowned, under water, he thought. "The English are so serious," she would say, putting her arms round Septimus, her cheeks against his.

В приведенном ниже отрывке показаны философские рассуждения о том, как Лондон поглотил многих молодых людей, подобных Смигу, и как Лондон меняет людей. Возникает метафорический образ садовника, который утром в саду обнаруживает новый цветок на своем растении ("a new blossom on his plant"), и этот цветок вырос из семян тщеславия, честолюбия, идеализма, страсти, одиночества, мужества и лени, ср.:

London has swallowed up many millions of young men called Smith; thought nothing of fantastic Christian names like Septimus with which their parents have thought to distinguish them. Lodging off the Euston Road, there were experiences, again experiences, such as change a face in two years from a pink innocent oval to a face lean, contracted, hostile. But of all this what could the most observant of friends have said except what a gardener says when he opens the conservatory door in the morning and finds a new blossom on his plant: – It has flowered; flowered from vanity, ambition, idealism, passion, loneliness, courage, laziness, the usual seeds, which all muddled up.

Питер Уолш, вернувшийся из Индии в Лондон, любит женское общество. Герою это общество кажется прекрасным цветком, растущим на гребне человеческой жизни ("so splendid a flower to grow on the crest of human life"), ср.:

He could not keep out of smoking-rooms, liked colonels, liked golf, liked bridge, and above all women's society, and the fineness of their companionship, and their faithfulness and audacity and greatness in loving which, though it had its drawbacks, seemed to him (and the dark, adorably pretty face was on top of the envelopes) so wholly admirable, so splendid a flower to grow on the crest of human life, and yet he could not come up to the scratch, being always apt to see round things.

В приведенных ниже контекстах Элизабет Дэллоуэй, внешне не похожая на мать, прекрасная восточной красотой, метафорически сравнивается то с гиацинтом с бледными бутонами, то с садовыми лилиями, то с лилией у пруда, ср.:

The door opened. Elizabeth knew that her mother was resting. She came in very quietly. She stood perfectly still. Was it that some Mongol had been wrecked on the coast of Norfolk (as Mrs. Hilbery said), had mixed with the Dalloway ladies, perhaps a hundred years ago? For the Dalloways, in general, were fair-haired; blue-eyed; Elizabeth, on the contrary, was dark; had Chinese eyes in a pale face; an Oriental mystery; was gentle, considerate, still as a child, she had had a perfect sense of humour; but now at seventeen, why, Clarissa could not in the least understand, she had become very serious; like a hyacinth sheathed in glossy green, with buds just tinted, a hyacinth which has had no sun.

And Elizabeth waited in Victoria Street for an omnibus. It was so nice to be out of doors. She thought perhaps she need not go home just yet. It was so nice to be out in the air. So she would get on to an omnibus. And already, even as she stood there, in her very well-cut clothes, it was beginning. People were beginning to compare her to poplar trees, early dawn, hyacinths, fawns, running water, and garden lilies; and it made her life a burden to her, for she so much preferred being left alone to do what she liked in the country, but they would compare her to lilies, and she had to go to parties, and London was so dreary compared with being alone in the country with her father and the dogs.

Indeed, the young are beautiful, Sally said, watching Elizabeth cross the room. How unlike Clarissa at her age! Could he make anything of her? She would not open her lips. Not much, not yet, Peter admitted. She was like a lily, Sally said, a lily by the side of a pool. But Peter did not agree that we know nothing. We know everything, he said; at least he did.

Обратимся к исследованию концепта «птица». В восприятии одной из героинь миссис Дэллоуэй выступает как очаровательная женщина, немного похожая на птицу, сойку (“a touch of the bird around her, of the jay”) с голубовато-зеленым оперением, лёгкую и живую, ср.:

She stiffened a little on the kerb, waiting for Durnall's van to pass. A charming woman, Scrope Purvis thought her (knowing her as one does know people who live next door to one in Westminster); a touch of the bird about her, of the jay, blue-green, light, vivacious, though she was over fifty, and grown very white since her illness. There she perched, never seeing him, waiting to cross, very upright.

Кларисса Дэллоуэй мечтает о том, как бы её хотелось походить на величественную леди Биксборо. Но вместо этого героиня обладает забавным личиком с носиком, напоминающим птичий клювик ("beaked like a bird's"), ср.:

She would have been, in the first place, dark like Lady Bexborough, with a skin of crumpled leather and beautiful eyes. She would have been, like Lady Bexborough, slow and stately; rather large; interested in politics like a man; with a country house; very dignified, very sincere. Instead of which she had a narrow pea-stick figure; a ridiculous little face, beaked like a bird's. That she held herself well was true; and had nice hands and feet; and dressed well, considering that she spent little.

Взгляд Клариссы Дэллоуэй, брошенный на Питера Уолша, подобен тому, как птица коснулась ветви дерева, а затем встрепенулась и упорхнула, ср.:

She looked at Peter Walsh; her look, passing through all that time and that emotion, reached him doubtfully; settled on him tearfully; and rose and fluttered away, as a bird touches a branch and rises and flutters away. Quite simply she wiped her eyes.

Миссис Дэллоуэй поправилась после болезни, не погибла, подобно тому, как птица припадает к земле ("She could crouch like a bird"), а затем оживает. Данный метафорический образ используется при противопоставлении понятий жизни и смерти - Клариса выжила, а Септимус погиб, покончив с собой, ср.:

Then (she had felt it only this morning) there was the terror; the overwhelming incapacity, one's parents giving it into one's hands, this life, to be lived to the end, to be walked with serenely there was in the depths of her heart an awful fear. Even now quite often, if Richard had not been there reading *The Times*, so that she could crouch like a bird and gradually revive, send roaring up that immeasurable delight, rubbing stick to stick, one thing with another, she must have perished. She had escaped. But that young man had killed himself.

Лукреция Уоррен Смит вспоминает о том, что при знакомстве Септимус показался ей похожим на молодого сокола (“a young hawk”), но с ней он всегда держался очень мягко, ср.:

She knew he was English, though not one of the large Englishmen her sister admired, for he was always thin; but he had a beautiful fresh colour; and with his big nose, his bright eyes, his way of sitting a little hunched, made her think, she had often told him, of a young hawk, that first evening she saw him, when they were playing dominoes, and he had come in — of a young hawk; but with her he was always very gentle.

В приведенных ниже контекстах Септимус Уоррен Смит наблюдает за Лукрецией, как следят за порхающей в траве птицей, её ум он воспринимает как перепрыгивающую с ветки на ветку птицу, её улыбка уподоблена сидящей птице, крепко вцепившейся коготками в ветку. В третьем примере Лукреция похожа на маленькую курицу, закрывающую крыльями вход в дом, чтобы не пускать психиатра, расстраивающего её мужа, ср.:

One cannot bring children into a world like this. One cannot perpetuate suffering, or increase the breed of these lustful animals, who have no lasting emotions, but only whims and vanities, eddying them now this way, now that.

He watched her snip, shape as one watches a bird hop, flit in the grass, without daring to move a finger. For the truth is (let her ignore it) that human beings have neither kindness nor faith, nor charity beyond what serves to increase the pleasure of the moment.

She held her hands to her head, waiting for him to say did he like the hat or not, and as she sat there, waiting, looking down, he could feel her mind, like a bird, falling from branch to branch, and always alighting, quite rightly; he could follow her mind, as she sat there in one of those loose lax poses that came to her naturally, and, if he should say anything, at once she smiled, like a bird alighting with all its claws firm upon the bough.

"My dear lady, I have come as a friend," Holmes was saying.

"No I will not allow you to see my husband," she said.

He could see her, like a little hen, with her wings spread barring his passage.

На приеме у миссис Дэллоуэй ветер развеивает желтые шторы с изображением всех райских птиц и кажется, что комната наполняется трепетом крыльев (“a flight of wings in the room”), ср.:

Gently the yellow curtain with all the birds of Paradise blew out and it seemed as if there were a flight of wings into the room, right out, then sucked back. (For the windows were open.) Was it draughty, Ellie Henderson wondered? She was subject to chills.

В воспоминаниях Септимуса Уоррена Смита иногда теплым вечером в лесу порыв ветра ударяет в щеку как крыло птицы (“the air buffets the cheek like the wing of a bird”), ср.:

The sun might go in and out, on the tassels, on the wall-paper, but he would wait, he thought, stretching out his feet, looking at his ringed sock at the end of the sofa; he would wait in this warm place, this pocket of still air, which one comes on at the edge of a wood sometimes in the evening^ when, because of a fall in the ground, or some arrangement of the trees (one must be scientific above all, scientific), warmth lingers, and the air buffets the cheek like the wing of a bird.

Анализ концептов «дерево», «цветок» и «птица» в романе Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй» позволил выявить индивидуально-авторскую образную интерпретацию данных концептов, выражающих основные когнитивные идеи писательницы.

Л и т е р а т у р а / R e f e r e n c e s

1. Изотова А.А. Метасемиотика описания в романе Айрис Мердок «Замок на песке» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 16. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 54-58.
2. Изотова А.А. Аллегии и метафоры в романе В. Вульф «Волны» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 43. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 64-72.
3. Изотова А.А. Средства и способы характеристики персонажей в романе Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «ночь нежна» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 48. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 70-74.

СТИЛИСТИКА ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА: РАБОЧАЯ ПРОГРАММА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

А.И. Изотов

CZECH STYLISTICS: SYLLABUS

A.I. Izotov

ABSTRACT:

The syllabus of Czech stylistics for students of Moscow State University of Education (Bachelor degree, Pedagogical education, English + Czech programme) is presented.

Keywords: Czech stylistics; pedagogical education; syllabus; Czech language

АННОТАЦИЯ:

Предлагается рабочая программа учебной дисциплины «Стилистика чешского языка», читаемой студентам Московского педагогического государственного университета в рамках программы подготовки бакалавров по направлению 44.03.05 Педагогическое образование, Иностранный язык (английский) + Иностранный язык (чешский).

Ключевые слова: стилистика чешского языка; рабочая программа учебной дисциплины; педагогическое образование; чешский язык

1. Цель освоения дисциплины

Целью курса стилистики чешского языка является формирование профессиональных компетенций на основе системы знаний о стилевой и стилистической дифференциации современного чешского этнического языка, о чешской традиции стилистических исследованиях в сопоставлении с традицией отечественной.

2. Место дисциплины в структуре ООП бакалавриата

Дисциплина «Стилистика чешского языка» относится к Блоку 1 (дисциплины и модули) вариативной части.

3. Компетенции обучающихся, формируемые в результате освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование и развитие следующих профессиональных и специальных компетенций:

- способность на научной основе организовать свою профессиональную деятельность, самостоятельно оценивать ее результаты (ПК-1);

- способность применять знания чешского языка для решения профессиональных задач (ПК-3);
- способность применять знания в области географии, истории, политической, экономической, социальной и культурной жизни страны изучаемого языка, а также знания о роли страны изучаемого языка в региональных и глобальных политических процессах (ПК-4);
- способность использовать современные образовательные и информационные технологии для повышения уровня своей профессиональной квалификации и общей культуры, самостоятельно осуществлять поиск профессиональной информации в печатных и электронных источниках, включая электронные базы данных (ПК-5);
- способность к теоретическому осмыслению задач профессиональной деятельности (ПК-28);
- способность анализировать взаимосвязи явлений и фактов действительности на базе владения методологией и методикой научных исследований (ПК-30);
- способность анализировать материалы современных исследований в области стилистики и переводоведения для их самостоятельного использования (ПК-32).
- способность воспринимать, понимать, а также проводить многоаспектный анализ устной и письменной речи на изучаемом иностранном языке (СК-2)

В результате изучения дисциплины студент должен:

знать:

- коммуникативную и прескриптивную норму чешского языка: орфоэпическую, орфографическую, грамматическую, лексическую, стилистическую, - и основные нарушения нормы на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях;
- общую характеристику текстов письменной и устной сфер общения; композиционные, синтаксические и лексико-стилистические особенности текстов различных функциональных стилей

уметь:

- ориентироваться в современной литературе по чешской стилистике;
- адекватно воспринимать иноязычную устную/письменную речь, понимать тексты различных функциональных стилей;
- определять и использовать дискурсивную структуру и языковую организацию функционально-стилевых разновидностей текста

владеть:

- навыками анализа художественных, общественно-публицистических, научно-популярных, деловых, разговорно-бытовых текстов

4. Структура и содержание дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы (72 часа).

Структура дисциплины

Таблица 1

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Семестр	Виды учебной работы (в академических часах)				
			Л	С	ПЗ	ЛБ	СР
1.	Место стилистики в системе лингвистических дисциплин (чешская традиция в сопоставлении с отечественной)	9	2		2		4
2.	Дихотомия литературность – нелитературность в чешской и отечественной традициях	9	2		2		4
3.	Понятие нормы в чешской и отечественной традициях	9	2		2		4
4.	Стилеобразующие факторы	9	2		2		4
5.	Стилистические аспекты построения текста	9	2		2		4
6.	Стилистический потенциал языковых средств (графика, фонетика, словообразование, морфология, синтаксис, лексика)	9	2		2		4
7.	Стилистический анализ письменного и устного текста	9	2		2		4
8.	Классификация функциональных стилей чешского языка, предложенная Б. Гавранеком и В. Матезиусом	9	2		2		4
9.	Современная классификация функциональных стилей современного чешского языка	9	2		2		4

Содержание дисциплины

Таблица 2

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Содержание раздела (дидактические единицы)
1	Место стилистики в системе лингвистических дисциплин (чешская традиция в сопоставлении с отечественной)	Определения стиля и стилистики в чешской и отечественных традициях. Виды классификаций стилей. Традиционно выделяемые функциональные стили в Чехии и в России. Современные чешские классификации функциональных стилей. Стилистические дисциплины: стилистика речи, стилистика текста, лингвостилистика, сопоставительная стилистика, типологическая стилистика и т.д.
2	Дихотомия литературность – нелитературность в чешской и отечественной традициях	Понятие этнического языка в чешской и в отечественной лингвистической традициях. Литературный язык, разговорный язык, койне, диалект территориальный и социальный, интердиалект. Идиом как зонтиковый термин. Историческое развитие и трансформация дихотомия литературность – нелитературность в чешском языковом пространстве
3	Понятие нормы в чешской и отечественной традициях	Понятие нормы в чешской и отечественной традициях. Языковая норма – стилевая норма – коммуникативная норма.
4.	Стилеобразующие факторы	Объективные – субъективные стилеобразующие факторы. Понятие коммуниката.
5.	Стилистические аспекты построения текста	Стилистика и лингвистика текста. Горизонтальное членение текста. Вертикальное членение текста. Когеренция. Комплекс коммуникатов.
6.	Стилистический потенциал языковых средств (графика, фонетика, словообразование, морфология, синтаксис, лексика)	Графические, фонетические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, лексические стилистические средства чешского языка

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Содержание раздела (дидактические единицы)
7.	Стилистический анализ устного текста	Конstituенты разговорного текста.
8.	Классификация функциональных стилей чешского языка, предложенная Б. Гавранек и В. Матезиусом	<ul style="list-style-type: none"> ● styl prostědělovací – разговорный стиль ● styl odborný – специальный стиль ● styl publicistický – публицистический стиль ● styl umělecký – художественный стиль
9.	Современная классификация функциональных стилей современного чешского языка	<ul style="list-style-type: none"> ● styl prostědělovací – разговорный стиль, в рамках которого вычленяется, в частности, styl konverzační диалогический стиль; ● styl odborný – специальный стиль, в рамках которого выделяются, в частности, styl vědecký научный стиль, styl prakticky odborný практико-специальный стиль, styl popularizační популяризаторский стиль; ● styl administrativní – административный стиль ● styl publicistický – публицистический стиль ● styl řečnický – ораторский стиль ● styl umělecký – художественный стиль ● styl esejistický – эссеистский стиль ● styl učební – педагогический стиль ● styl reklamní – рекламный стиль.

5. Образовательные технологии.

Все лекции читаются в виде *проблемной лекции* – изложение материала, предполагающее постановку проблемных и дискуссионных вопросов, освещение различных научных подходов, авторские комментарии, связанные с различными моделями интерпретации изучаемого материала.

Иначе говоря, реализуются *технологии проблемного обучения*– организация образовательного процесса, которая предполагает постановку проблемных вопросов, создание учебных проблемных ситуаций для стимулирование активной познавательной деятельности обучающихся.

6. Самостоятельная работа студентов.

Таблица 3

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Вид самостоятельной работы	Трудоемкость (в академических часах)
1.	Место стилистики в системе лингвистических дисциплин (чешская традиция в сопоставлении с отечественной)	работа с источниками	4
2.	Дихотомия литературность – нелитературность в чешской и отечественной традициях	работа с источниками	4
3.	Понятие нормы в чешской и отечественной традициях	работа с источниками	4
4.	Стилеобразующие факторы	работа с источниками	4
5.	Стилистические аспекты построения текста	работа с источниками	4
6.	Стилистический потенциал языковых средств (графика, фонетика, словообразование, морфология, синтаксис, лексика)	работа с источниками	4
7.	Стилистический анализ письменного и устного текста	работа с источниками	4
8.	Классификация функциональных стилей чешского языка, предложенная Б. Гавранekom и В. Матезиусом:	работа с источниками	4
9.	Современная классификация функциональных стилей современного чешского языка	работа с источниками	4

7. Компетентностно-ориентированные оценочные средства

Средства оценивания:

1). Диагностирующий контроль

Вопросы к зачету:

1. Определения стиля и стилистики в чешской и отечественных традициях.
2. Объективные и субъективные стили в чешской традиции.
3. Стилистические дисциплины: стилистика речи, стилистика текста, лингвостилистика, сопоставительная стилистика, типологическая стилистика и т.д.
4. Понятие этнического языка в чешской и в отечественной лингвистической традициях.
5. Литературный чешский язык.
6. Собственно-чешское койне.
7. Чешские территориальные диалекты
8. Чешские социальные диалекты
9. Разговорный стиль чешского литературного языка.
10. Брненский hantec.
11. Дихотомия литературность – нелитературность истории чешского языка.
12. Понятие нормы в чешской и отечественной традициях.
13. Объективные – субъективные стилеобразующие факторы.
14. Горизонтальное членение текста.
15. Вертикальное членение текста.
16. Графические стилистические средства чешского языка
17. Фонетические стилистические средства чешского языка
18. Морфологические стилистические средства чешского языка
19. Синтаксические стилистические средства чешского языка
20. Лексические стилистические средства чешского языка
21. Конституенты разговорного текста.
22. Классификация функциональных стилей чешского языка, предложенная Б. Гавранекком и В. Матезиусом.
23. Современная классификация функциональных стилей чешского языка.

Образец текста для стилистического анализа:

Strýc Žufan byli s odpuštěním vdovec podle svého uznání zachovalý, šumný letory, plný peněz a ešče schopný semtam nějakéj téj ledačiny. Grunt měli jak hrad, póla, koně aj vinohrad a hovězího plné chlěvy. Enomže na parádu zrovna moc nedržali. Chodili usmolený jak prtisko, fúsiska neholené, furt naježené jak stekly smeták a holénky naposledy pucované, dyž sa ženili.

Místo firhaňků měli v oknách paučiny a tihly na chalupě nahlodaly přes omítku. Celé dně vysedávali v hospodě alebo ve iklpoch a id'a kolem půl-noci dom, popěvovali:

*Ej, umřela ně žena
už su vdovec,
dal sem ju pochovat
pod jalovec...*

Kača Průtková byla robka trochu obstarší (řezaly sa jí potřetí zuby!), ale ináč šumná a čiperná jak iščerka. Nohy jak maslénky u »pozadí« jak za tři sta rýnských vergl – no samá chuť! Líca krev a mléko, očiska černé jak fakír. Šak dyž sa na chlapa podívala, tož hořál jak papírový čert...

Jedného dňa maširovali strýc přes dědinu. Přecházaja mostek, ostaly ím oči na jednom fleku přibité – Kačenka malovala žúdra! Obrázek, kerý sa tak honem neuvidí. Nohy opálené jak čokoláda, sukně kraťučké a jupka nemože ty dívčí dary ani obestat... Žufan sa tak neoblížli ani po husím stehně, taják včílkaj, dyž uhlédli Kačenku na žebříku. Nebylo sa ani čemu divit, dyž strýc zahořali jak petrolínka a poskočili jak hříbja – aj dyž ich při tem pichlo v chrbtě...

2). Текущий контроль

Формами осуществления текущего контроля являются контрольные опросы (устные и письменные), тестирование, коллоквиум.

Таблица 4

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Средства текущего контроля
1.	Место стилистики в системе лингвистических дисциплин (чешская традиция в сопоставлении с отечественной)	контрольный опрос
2.	Дихотомия литературность – нелитературность в чешской и отечественной традициях	контрольный опрос
3.	Понятие нормы в чешской и отечественной традициях	контрольный опрос

4.	Стилеобразующие факторы	контрольный опрос
5.	Стилистические аспекты построения текста	контрольный опрос
6.	Стилистический потенциал языковых средств (графика, фонетика, словообразование, морфология, синтаксис, лексика)	контрольный опрос
7.	Стилистический анализ письменного и устного текста	контрольный опрос
8.	Классификация функциональных стилей чешского языка, предложенная Б. Гавранек и В. Матезиусом:	контрольный опрос
9.	Современная классификация функциональных стилей современного чешского языка	контрольный опрос

8. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

а) основная литература:

б) Интернет-ресурсы

<http://www.philol.msu.ru/~slavphil/stud.html>

<http://elibrary.ru/>

<http://www.korpus.cz/>

9. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Основная литература (см. Литература / References) доступна студентам в оцифрованном виде на открытых интернет-ресурсах.

Литература / References

1. *Изотов А.И.* Литературный чешский язык и обиходно-разговорное койне // Язык, сознание, коммуникация. Вып 36. М. : МАКС Пресс, 2008. С. 64-69.
2. *Изотов А.И.* Чешское обиходно-разговорное койне vs русское просторечье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2013. № 1. С. 52-60.
3. *Изотов А.И.* Опыт корпусного анализа чешской обиходно-разговорной лексики в сопоставительном плане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2014. № 1. С. 67-76.
4. *Изотов А.И.* Эскиз частотного словаря ядра обиходно-разговорной чешской лексики // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 48. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 5-25.
5. *Изотов А.И.* К проблеме построения учебного словаря субстандартного языка // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 2 (14). С. 82-88.
6. *Изотов А.И.* [рец на:] Beliafski M. Čeština uncensored. Praha: Powerprint, 2015. 216 с. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 4. С. 223–228.

7. *Изотов А.И.* Диалект в чешском художественном тексте // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2015. - №3(15). – С. 115-126.
8. *Изотов А.И.* Современный церковнославянский язык и «троязычная ересь» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 54. – М.: МАКС Пресс, 2016. - С. 84-92.
9. *Изотов А.И.* Об обоснованности вычленения церковно-религиозного функционального стиля в русистике и религиозного функционального стиля в богемистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2 (68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 100-103.
10. *Изотов А.И.* К вопросу об общенациональном субстандарте в чешском и русском языковых пространствах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2 (68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 131-134.
11. *Изотов А.И.* [рец. на:] *J. Marvan.* Jazyk. Jeho český příběh: Prvních tisíc let 800-1800: Malý průvodce cestami české lingvoekologie. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2015. 456 с. ISBN 978-80-246-3034-2 // Вопросы языкознания. 2017. №2. С. 147-149.
12. *Mitter P.* Stylistika českého jazyka. Ústí-nad-Labem: Univerzita J.E. Purkyně v Ústí nad Labem, [s.a.]. [<http://www.pf.ujep.cz/pf/osobni-dokumenty/kbo/289-kbo-mitter-studijni-opora-stylistika/file>]
13. *Jelínek M.* Stylistika // Příruční mluvnice češtiny. Vydání 2. / Red. P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1996. S. 699-780.
14. *Čechová M., Krčmová M., Minářová E.* Současná stylistika. Praha, Nakladatelství Lidové noviny, 2008. 282 s.
15. Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. *Fr. Daneš.* Praha: Academia, 1997. 294 s.

ИСТОРИЯ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА: РАБОЧАЯ ПРОГРАММА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

А.И. Изотов

HISTORY OF THE CZECH LANGUAGE: SYLLABUS

A.I. Izotov

ABSTRACT:

The syllabus of the History of the Czech language for students of Moscow State University of Education (Bachelor degree, Pedagogical education, English + Czech programme) is presented.

Keywords: History of Czech language; pedagogical education; syllabus; Czech language

АННОТАЦИЯ:

Предлагается рабочая программа учебной дисциплины «История чешского языка», читаемой студентам Московского педагогического государственного университета в рамках программы подготовки бакалавров по направлению 44.03.05 Педагогическое образование, Иностранный язык (английский) + Иностранный язык (чешский).

Ключевые слова: история чешского языка; рабочая программа учебной дисциплины; педагогическое образование; чешский язык

1. Цель освоения дисциплины

Целью курса истории чешского языка является формирование профессиональных компетенций на основе системы знаний о происхождении современного чешского этнического языка, о чешской традиции сравнительно-исторических исследований в сопоставлении с традицией отечественной.

2. Место дисциплины в структуре ООП бакалавриата

Дисциплина «История чешского языка» относится к Блоку 1 (дисциплины и модули) вариативной части.

3. Требования к результатам освоения дисциплины:

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование и развитие следующих профессиональных и специальных компетенций:

- способность на научной основе организовать свою профессиональную деятельность, самостоятельно оценивать ее результаты (ПК-1);
- способность применять знания чешского языка для решения профессиональных задач (ПК-3);
- способность применять знания в области географии, истории, политической, экономической, социальной и культурной жизни страны изучаемого языка, а также знания о роли страны изучаемого языка в региональных и глобальных политических процессах (ПК-4);
- способность использовать современные образовательные и информационные технологии для повышения уровня своей профессиональной квалификации и общей культуры, самостоятельно осуществлять поиск профессиональной информации в печатных и электронных источниках, включая электронные базы данных (ПК-5);
- способность к теоретическому осмыслению задач профессиональной деятельности (ПК-28);
- способность анализировать взаимосвязи явлений и фактов действительности на базе владения методологией и методикой научных исследований (ПК-30);
- способность анализировать материалы современных исследований в области истории языка для их самостоятельного использования (ПК-32).
- способность воспринимать, понимать, а также проводить многоаспектный анализ устной и письменной речи на изучаемом иностранном языке (СК-2)

В результате изучения дисциплины студент должен:

знать:

- историю происхождения коммуникативной и прескриптивной нормы чешского языка: орфоэпическую, орфографическую, грамматическую, лексическую, стилистическую, - и основные нарушения нормы на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях;
- общую характеристику чешских текстов письменной и устной сфер общения в исторической перспективе; композиционные, синтаксические и лексико-стилистические особенности чешских текстов различных эпох

уметь:

- ориентироваться в современной литературе по истории чешского языка;
- адекватно воспринимать тексты чешские тексты, созданные в разные периоды исторического развития чешского языка;
- определять и использовать дискурсивную структуру и языковую организацию функционально-стилевых разновидностей чешских текстов минувших эпох

владеть:

- навыками анализа художественных, общественно-публицистических, научно-популярных, деловых чешских текстов минувших эпох

4. Структура и содержание дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы (72 часа).

Структура дисциплины

Таблица 1

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Семестр	Виды учебной работы (в академических часах)				
			Л	С	ПЗ	ЛБ	СР
1.	Периодизация истории чешского языка	9	2		2		4
2.	Источники для изучения истории чешского языка	9	2		2		4
3.	Чешско-славянский период	9	2		2		4
4.	История чешской графики	9	2		2		4
5.	Принципы воспроизведения др.-чешских текстов: транскрипция и транслитерация	9	2		2		4
6.	Основные процессы в истории фонетического строя чешского языка	9	2		2		4
7.	Основные процессы в истории грамматического строя чешского языка	9	2		2		4
8.	История государственной языковой политики в Чешских	9	2		2		4

	землях					
9.	Чешский язык на пороге второго тысячелетия	9	2		2	4

Содержание дисциплины

Таблица 2

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Содержание раздела (дидактические единицы)
1	Периодизация истории чешского языка	Чешско-славянский период. Язык древнейших памятников чешской письменности. Чешский язык добелогорского периода. Гуманистический чешский язык. Чешский язык в XVII-XVIII вв. Чешский язык периода чешского национального возрождения. Чешский язык после объявления его государственным в 1918 г. Современный чешский язык.
2	Источники для изучения истории чешского языка	Глоссы и «богемики» в латинских текстах X-XIII веков. Древнейшие письменные памятники на чешском языке XIII века. Расцвет др.-чешской письменности в XIV веке. Гуситский период. Гуманизм. Побелогоский период. Чешское национальное возрождение.
3	Чешско-славянский период	Старославянская письменность в Великой Моравии и «кирилло-мефодиевская традиция» в чешских землях.
4.	История чешской графики	Системы чешской графики в средние века и в Новое время. Деятельность Яна Гуса. Деятельность Яна Амоса Коменского.
5.	Принципы воспроизведения др.-чешских текстов.	Основные принципы транскрипции и транслитерации древнечешских текстов, принятые при издании произведений древнечешской литературы
6.	Основные процессы в истории фонетического строя чешского языка	Обособление западнославянских диалектов от других праславянских диалектов. Прачешский диалект в группе западнославянских диалектов.

7.	Основные процессы в истории грамматического строя чешского языка	Эволюция системы словоизменения существительных. Эволюция системы словоизменения прилагательных. Эволюция системы глагольных времен. История форм настоящего времени. Эволюция системы залога. Кондиционалис в истории чешского языка. Императив в истории чешского языка. Причастия в истории чешского языка. Деепричастия в истории чешского языка. Инфинитив в истории чешского языка.
8.	История государственной языковой политики в Чешских землях	Закон о защите чешского языка 1615 года. Деятельность Йозефа Добровского. Теория языковой культуры Богуслава Гавранека. Принцип «минимальной интервенции».
9.	Чешский язык на пороге второго тысячелетия	Основные центры изучения чешского языка в Чехии. Чешский язык сегодня: основные чешские издания и издательства.

5. Образовательные технологии.

Все лекции читаются в виде *проблемной лекции* – изложение материала, предполагающее постановку проблемных и дискуссионных вопросов, освещение различных научных подходов, авторские комментарии, связанные с различными моделями интерпретации изучаемого материала.

Иначе говоря, реализуются *технологии проблемного обучения*– организация образовательного процесса, которая предполагает постановку проблемных вопросов, создание учебных проблемных ситуаций для стимулирование активной познавательной деятельности обучающихся.

6. Самостоятельная работа студентов.

Таблица 3

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Вид самостоятельной работы	Трудоемкость (в академических часах)
1.	Периодизация истории чешского языка	работа с источниками	4
2.	Источники для изучения истории чешского языка	работа с источниками	4
3.	Чешско-славянский период	работа с источниками	4

4.	История чешской графики	работа с источниками	4
5.	Принципы воспроизведения др.-чешских текстов: транскрипция и транслитерация	работа с источниками	4
6.	Основные процессы в истории фонетического строя чешского языка	работа с источниками	4
7.	Основные процессы в истории грамматического строя чешского языка	работа с источниками	4
8.	История государственной языковой политики в Чешских землях	работа с источниками	4
9.	Чешский язык на пороге второго тысячелетия	работа с источниками	4

7. Компетентностно-ориентированные оценочные средства

Средства оценивания:

1). Диагностирующий контроль

Вопросы к зачету:

1. Обособление западнославянских диалектов от других праславянских диалектов.
2. Прачешский диалект в группе западнославянских диалектов.
3. Системы чешской графики в средние века и в Новое время.
4. Язык древнейших памятников чешской письменности.
5. Чешский язык добелогорского периода.
6. Чешский язык в XVII-XVIII вв.
7. Чешский язык периода чешского национального возрождения.
8. Чешский язык после объявления его государственным в 1918 г.
9. Эволюция системы словоизменения существительных.
10. Эволюция системы словоизменения прилагательных.
11. Эволюция системы глагольных времен.
12. История форм настоящего времени.
13. Эволюция системы залога.
14. Кондиционалис в истории чешского языка.

15. Императив в истории чешского языка.
16. Причастия в истории чешского языка.
17. Деепричастия в истории чешского языка.
18. Инфинитив в истории чешского языка.
19. Деятельность Яна Гуса.
20. Деятельность Яна Амоса Коменского.
21. Деятельность Йозефа Добровского.
22. Теория языковой культуры Богуслава Гавранека.
23. Принцип «минимальной интервенции».
24. Основные центры изучения чешского языка в Чехии.
25. Чешский язык сегодня: основные чешские издания и издательства.

Образец тестового задания

Подчеркните правильный вариант: Приводимый далее фрагмент является примером транскрипции/транслитерации др.-чешского текста:

Genz zeymene byl wyehlafny
 gehoz rozum byl tak yafny
 ze gmu bylo wfyeczko znamo
 wzemy wmorzi whwyezdach tamo
 ten wjak t[ŝ]tweru wyecz wyczita
 gez przed geho ſmyſlem ſkrita

2). Текущий контроль

Формами осуществления текущего контроля являются контрольные опросы (устные и письменные), тестирование, коллоквиум.

Таблица 4

№п/п	Наименование раздела дисциплины	Средства текущего контроля
1.	Периодизация истории чешского языка	контрольный опрос
2.	Источники для изучения истории чешского языка	контрольный опрос
3.	Чешско-славянский период	контрольный опрос
4.	Графическая системы др.-чешского языка	контрольный опрос

5.	Принципы воспроизведения др.-чешских текстов: транскрипция и транслитерация	контрольный опрос
6.	Основные процессы в истории фонетического строя чешского языка	контрольный опрос
7.	Основные процессы в истории грамматического строя чешского языка	контрольный опрос
8.	Основные процессы в истории словарного состава чешского языка	контрольный опрос
9.	Чешский язык на пороге второго тысячелетия	контрольный опрос

8. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

а) основная литература:

Kosek P. Historická mluvnice češtiny – překlenovací seminář. Brno: Masarykova univerzita, 2014.
<http://digilib.phil.muni.cz/data/handle/11222.digilib/131101/monograpy.pdf>

Oblouk M. Vývoj českého jazyka. <http://documents.tips/documents/vyvoj-ceskeho-jazyka.html>

Výbor z české literatury od počátků po dobu Husovu. Praha, 1957.
<http://www.ucl.cas.cz/edicee/?expand=/antologie/zliteratury/VZCL3>

Výbor z české literatury doby husitské. Sv. 1. Praha 1963.
<http://www.ucl.cas.cz/edicee/?expand=/antologie/zliteratury/VZCL1>

Výbor z české literatury doby husitské. Sv. 2. Praha 1964.
<http://www.ucl.cas.cz/edicee/?expand=/antologie/zliteratury/VZCL2>

б) дополнительная литература:

См. Литература / References

в) мультимедийные средства:

-

г) Интернет-ресурсы

<http://www.philol.msu.ru/~slavphil/stud.html>

<http://elibrary.ru/>

<http://dig.vkol.cz/>

<http://www.korpus.cz/>

9. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Основная литература доступна студентам в оцифрованном виде на открытых интернет-ресурсах.

Литература / References

1. *Изотов А.И.* Чешские атрибутивные причастия на фоне русских. М.: Филологический факультет МГУ, 1993. – 100 с.
2. *Изотов А.И.* Старославянский и церковнославянский языки: Грамматика, упражнения, тексты: Учебное пособие для средних и высших учебных заведений. – М.: ИОСО РАО, 2001. – 240 с.
3. *Изотов А.И.* Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении: Учебное пособие. – М.: Издательство «Азбуковник», 2010. – 200 с.
4. *Селищев А.М.* Славянское языкознание. Т. 1: Западнославянские языки. – М.: Гос. уч.-пед. издат., 1941 – 462 с.
5. *Широкова А.Г.* Чешский язык. М.: Изд. лит. на иностр. языках, 1961. – 352 с.
6. *Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А.* Чешский язык. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 344 с.
7. *Čuřín Fr.* Vývoj spisovné češtiny. Praha: SPN, 1985. – 182 s.
8. *Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J.* Historický vývoj češtiny. Praha, 1977. – 310 s.
9. *Pleskalová J.* Stará čeština pro nefilology. Brno: Filozofická fakulta MU, 2003.
10. *Marvan J.* Jazyk. Jeho český příběh: Prvních tisíc let 800-1800: Malý průvodce cestami české lingvoekologie. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2015. – 456 s.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА: РАБОЧАЯ ПРОГРАММА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

А.И. Изотов

THEORETICAL PHONETICS OF THE CZECH LANGUAGE: SYLLABUS

A.I. Izotov

ABSTRACT:

The syllabus of the Theoretical phonetics of the Czech language for students of Moscow State University of Education (Bachelor degree, Pedagogical education, English + Czech programme) is presented.

Keywords: Theoretical phonetics of the Czech languages; pedagogical education; syllabus; Czech language

АННОТАЦИЯ:

Предлагается рабочая программа учебной дисциплины «Теоретическая чешского языка», читаемой студентам Московского педагогического государственного университета в рамках программы подготовки бакалавров по направлению 44.03.05 Педагогическое образование, Иностранный язык (английский) + Иностранный язык (чешский).

Ключевые слова: история чешского языка; рабочая программа учебной дисциплины; педагогическое образование; чешский язык

1. Цель освоения дисциплины

Целью курса теоретической фонетики чешского языка является формирование профессиональных компетенций на основе системы знаний о теоретических основах фонетических норм современного чешского этнического языка в том числе в его региональных разновидностях.

2. Место дисциплины в структуре ООП бакалавриата

Дисциплина «Стилистика чешского языка» относится к Блоку 1 (дисциплины и модули) вариативной части.

3. Компетенции обучающихся, формируемые в результате освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование и развитие следующих профессиональных и специальных компетенций:

- способность на научной основе организовать свою профессиональную деятельность, самостоятельно оценивать ее результаты (ПК-1);
- способность применять знания чешского языка для решения профессиональных задач (ПК-3);
- способность применять знания в области географии, истории, политической, экономической, социальной и культурной жизни страны изучаемого языка, а также знания о роли страны изучаемого языка в региональных и глобальных политических процессах (ПК-4);
- способность использовать современные образовательные и информационные технологии для повышения уровня своей профессиональной квалификации и общей культуры, самостоятельно осуществлять поиск профессиональной информации в печатных и электронных источниках, включая электронные базы данных (ПК-5);
- способность к теоретическому осмыслению задач профессиональной деятельности (ПК-28);
- способность анализировать взаимосвязи явлений и фактов действительности на базе владения методологией и методикой научных исследований (ПК-30);
- способность анализировать материалы современных исследований в области стилистики и переводоведения для их самостоятельного использования (ПК-32).
- способность воспринимать, понимать, а также проводить многоаспектный анализ устной и письменной речи на изучаемом иностранном языке (СК-2)

В результате изучения дисциплины студент должен:

знать:

- о наиболее характерных процессах эволюции западнославянского диалектного языкового массива от его выделения из массива праславянского до этапа формирования национального чешского языка
- об основных процессах, происходивших в фонетике чешского языка в исторический период;
- фонетическую норму чешского литературного языка, как и основные нарушения этой нормы;
- фонетические особенности основных нелитературных идиомов в составе чешского этнического языка

уметь:

- ориентироваться в современной литературе по чешской фонетике;

- опознавать и квалифицировать фонетические диалектизмы в произведениях современной чешской художественной литературы и кинематографа;

владеть:

- базовой терминологией фонетики и фонологии чешского языка
- навыками анализа художественных, общественно-публицистических, научно-популярных, деловых, разговорно-обиходных текстов, фиксирующих отклонения от фонетической нормы чешского литературного языка

4. Структура и содержание дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 3 зачетные единицы (108 часа).

Структура дисциплины

Таблица 1

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Семестр	Виды учебной работы (в академических часах)				
			Л	С	ПЗ	ЛБ	СР
1.	Особенности звуковой системы современного чешского литературного языка.	6	2		4		4
2.	Система гласных и согласных фонем современного чешского литературного языка.	6	2		4		4
3.	Супрасегментные средства современного чешского литературного языка.	6	2		4		6
4.	Орфоэпия современного чешского литературного языка.	6	2		4		4
5.	Фонетическое и графическое освоение заимствований чешским языком	6	2		4		4
6.	Чешский язык как западнославянский (фонетика)	6	2		4		8
7.	Чешские согласные в историческом освещении	6	2		4		8

8.	Чешские гласные в историческом освещении	6	2		4		8
9.	Фонетические особенности основных чешских территориальных диалектов	6	2		4		8

Содержание дисциплины

Таблица 2

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Содержание раздела (дидактические единицы)
1	Особенности звуковой системы современного чешского литературного языка.	Нефонологический характер ударения. Отсутствие количественной и качественной редукции безударных гласных. Фонологический характер долготы / краткости гласных. Наличие дифтонгов <i>oi, ai, ei</i> . Наличие слогообразующих <i>ḷ, ṛ</i> . Согласные, не имеющие прямых акустических и артикуляционных соответствий в русском языке (<i>ř, h, l</i>). Бóльшая, по сравнению с русским, автономность чешских гласных и согласных в пределах слога. Меньшая, по сравнению с русским, функциональная нагруженность согласных и бóльшая - гласных.
2	Система гласных и согласных фонем современного чешского литературного языка.	10 гласных фонем. Дифференциальные признаки: ряд, подъем, долгота. Гласные переднего ряда (<i>i, í, e, é</i>), среднего ряда (<i>a, á</i>), заднего ряда (<i>o, ó, u, ú</i>). Гласные верхнего подъёма (<i>i, í, u, ú</i>), среднего подъёма (<i>e, é, o, ó</i>), нижнего подъёма (<i>a, á</i>). Краткие гласные (<i>i, e, a, o, u</i>), долгие (<i>í, é, á, ó, ú</i>). Лабиализованность гласных заднего ряда. 25 согласных фонем. Дифференциальные признаки: способ образования, место образования, глухость / звонкость, твердость / мягкость. Способ образования: взрывные (<i>p, b, t, d, t', d', k, g</i>), щелевые (<i>f, v, s, z, š, ž, j, x, h</i>), аффрикаты (<i>c, č</i>), боковой (<i>l</i>), носовые (<i>m, n, n'</i>), дрожащие (<i>r, ř</i>). Место образования: губно-губные (<i>p, b, m</i>), губно-зубные (<i>f, v</i>), переднеязычные (<i>t, d, n, c, s, z, l, r, ř</i>), среднеязычные (<i>t', d', n', j</i>), заднеязычные (<i>k, g, x</i>), гортанный (<i>h</i>). Глухость / звонкость: <i>p - b, t - d, t' - d', k - g, s - z, š - ž, f - v, m, n, n', j, l, r, ř, h, c, č, x</i> .

		Фонологический статус выделяемых в богемистике ř (глухой коррелят ř), ž (dz), ť (dž), γ (звонкие корреляты c, č, x), η, μ (позиционные варианты n, m). Ограниченность реализации категории твердости / мягкости согласных (n - n', t - t', d - d').
3	Супрасегментные средства современного чешского литературного языка.	Основное и второстепенное ударение [ˈsvjeto,bjeʒn'ík]. Энклитики <i>mě, tě, se, mi, ti, si, ho, ji, jí</i> и др. Проклитики: союзы, частицы, короткие слова. Перенос ударения на односложный предлог. Пауза. Интонация: делимитативная функция, дистинктивная функция. Интонаема. Мелодема. Каденция: нисходящая [↓a], восходяще-нисходящая [↓b]. Антикаденция: восходящая [↑a], восходяще-нисходящая [↑b]. Полукаденция: основной тип [→a], восходяще-нисходящая [→b].
4.	Орфоэпия современного чешского литературного языка.	Произносительные стили: стиль официальных выступлений; повседневный культивированный; повседневный небрежный. Региональные варианты чешского литературного произношения, моравское <i>sh</i> [sh] и <i>mě</i> [mje] в соответствии с собственно-чешским [sx] и [mn'e]. Наиболее частые дефекты произношения гласных: открытое произношение [i], [í], [o], [e], [u] > [e], [é], [a], [a], [ə]; закрытое произношение [á] > [é]; сокращение долгих [ú], [í] > [u], [i]. Наиболее частые дефекты произношения согласных: «немецкое», «французское», «английское» [r]; глухое [ř] в позициях звонкого [ř]; продвинутость вперед [s], [z] > [θ], [ð]. Выпадение интервокальных [j], [v], [h] при небрежном произношении: <i>pivo</i> [pio], <i>to je</i> [toe], <i>toho</i> [too]. Придыхание. Нормативное <i>k obědu</i> [k'objedu], <i>v únoru</i> [f'únoru], <i>s Ivanem</i> [s'ivanem], <i>z okna</i> [s'okna] и ненормативное [gobjedu] / [kobjedu], [vúnoru] / [fúnoru], [zivanem] / [sivanem], [zokna] / [sokna]. Нормативные и ненормативные ассимиляции.
5.	Фонетическое и графическое	Общие принципы фонетического освоения иноязычного слова. Зависимость фонетического облика заимствованного слова от времени и обстоя-

	<p>освоение заимствований чешским языком</p>	<p>тельств заимствования: <i>indický čaj</i>, но <i>lipové thé</i>; <i>gestapo</i> < <i>Gestapo</i>, но <i>krůta</i> < <i>Grutte</i>, <i>ksicht</i> < <i>Gesicht</i>.</p> <p>Общие правила фонетического освоения заимствований: постановка ударения на первый слог, сохранение противопоставления <i>долгота-краткость</i> гласного, сохранение противопоставления <i>глухость-звонкость</i>, ограничение противопоставления <i>твердость-мягкость</i> парами [n] - [n̥], [t] - [t̥], [d] - [d̥], совпадение ряда гласных [e], [æ], [ä], [ö], [z], [ə] в [e]; ряда [i], [y], [ü] — в [i]; ряда [a], [ʌ], [ɑ] — в [a], ряда [o], [ɔ] — в [o]; замена сочетаний звуков [əɾ], [əl], [ən], а отчасти сочетаний букв <i>er, el, en</i> слогообразующими [r̥] [l̥] [n̥].</p> <p>Особенности фонетического и графического освоения иноязычных географических названий и личных имен. Полное фонетическое и графическое освоение: <i>Řím, Londýn, Mnichov, Janov, Benátky; Alžbeta, Ludvík, Bedřich, Jiří</i>. Фонетическое освоение при сохранении графического облика имени языка-источника, которое может включать графемы, отсутствующие в чешском алфавите: <i>François</i> ['fransua], <i>Händel</i> ['hendl], <i>Grünewald</i> ['grinevald], <i>Waleša</i> ['valensa] <i>Karadžić</i> ['karadžič], <i>Dorđe</i> ['džordže], <i>Pitești</i> ['pitešt̥], <i>Hačeg</i> ['hacek], <i>Petőfi</i> ['petéfi]. Вариативность: <i>Petrohrad / Petěrburg, Osvětím / Oświęcim</i>.</p> <p>Основные правила чтения английских, немецких, французских, испанских, итальянских, венгерских, румынских, польских, словацких, сербохорватских топонимов и антропонимов. Правила транслитерации кириллицы и чтение транслитерированных русских, украинских, болгарских топонимов и антропонимов.</p>
6.	Фонетическая транскрипция	<p>Системы транскрипции, принятые в современной богемистике. Обозначение слоговости согласных (<i>ɾ, l̥, n̥, m̥</i>); обозначение неслоговости гласных (<i>ɨ, ʲ</i>), обозначение придыхания перед начальным гласным (?); неединообразное обозначение долготы гласных (<i>á - a: - ā</i>), мягкости согласных (<i>ň - n̥</i>), глухости (<i>č̣ - ṛ̌</i>). Транскрипция, ориентиро-</p>

		ванная на современную графическую систему чешского литературного языка.
7.	Чешские согласные в историческом освещении	История согласных: появление [f] <i>doufat</i> < <i>úfati</i> < <i>urʋati</i> ; [rʲ] > [ř] <i>moře, řeka</i> ; отвердение всех согласных, кроме [j], [nʲ], [tʲ], [dʲ]; история [ʰr̥], [ʰt̥], [ʰl̥], [ʰl̥] <i>trh, prst, pluk, vlk</i> ; [g] > [h] <i>hrad, Řek</i> ; [w] > [v] <i>úplně</i> ; [ɣ], [ɣʲ] > [ɣ]; [šč] > [štʲ], [ždž] > [ždʲ], <i>štit, Žďár</i> .
8.	Чешские гласные в историческом освещении	История гласных: перераспределение соотношения долгий-краткий; история [ɚ], [ɚ] <i>mech, sen</i> ; история [ɔ] <i>dub, doubek, děkuji, děkuji</i> ; история [ɛ] <i>řád, řada, ředitel, řídit, řídič</i> ; история [ě] <i>snih, sněhu</i> ; переход 'a > ě > e <i>duše</i> ; 'u > i <i>lid</i> ; 'ó > ie > í <i>koním</i> ; ú > ou <i>soud</i> ; ó > ú <i>dům</i> ; совпадение [i], [y]; í > eᵢ <i>bejk, cejtít</i> ; ai > eᵢ <i>dej</i> .
9.	Фонетические особенности основных чешских территориальных диалектов	Четыре чешских диалектных массива и их наиболее характерные фонетические особенности: Собственно чешские говоры. Собственно-чешское койне (obecná čeština). 5 кратких гласных (a, o, u, e, i), три долгих (á, í, ú), два дифтонга (eᵢ, ou); произношение группы <i>sh</i> как [sx]; протетическое [v] <i>vokno</i> ; <i>dej tu mouku ze mleina na vozejk</i> в соответствии с литературным <i>Dej tu mouku ze mlýna na vozík</i> . Центрально-моравские (ганацкие) говоры. Отсутствие дифтонгов; произношение группы <i>sh</i> как [sh]; группа [šč] в соответствии с собственно чешским [štʲ] <i>ešče</i> ; [ô], [ó] в соответствии с собственно чешскими [u], [ou] и [ê], [é] — в соответствии с [i], [ei] <i>bél sérotek</i> ; <i>dě tó mókó ze mléna na vozék</i> . Восточно-моравские (моравско-словацкие) говоры. Сохранение [ʰa], [ʰu], [ú] <i>naša, našu, múka</i> ; группа [šč] в соответствии с собственно чешским [štʲ] <i>ešče</i> ; звонкий [ʒ] <i>házat</i> ; мягкий - твердый [ɣ] - [ɣ] / [u] <i>učitela - huava</i> ; краткие и долгие слогаобразующие [r̥], [l̥] - [f̥] [l̥] <i>trnka - tr̥n'í, křskí - křzat</i> ; <i>daj tu múku ze mlina na vozík</i> . Силезские (ляшские) говоры. Отсутствие долгих гласных, дифтонгов и слогаобразующих [r̥], [l̥] <i>vulk, kyrk / kryk</i> ; ударение на втором от конца слоге; [i] - [y]; [ɣ] - [ɣ] / [u]; звонкий [ʒ] <i>mezu</i> ; смягчение [n], [t], [d] перед всеми гласными пе-

		реднего ряда; свистящий призвук у мягких [tʰ], [dʰ] > [cʰ] / [č] / [č̌], [dzʰ] / [ʒ] / [ž̌]; <i>dať tu muku ze mlýna na vozík.</i>
--	--	---

5. Образовательные технологии.

Все лекции читаются в виде

проблемной лекции – изложение материала, предполагающее постановку проблемных и дискуссионных вопросов, освещение различных научных подходов, авторские комментарии, связанные с различными моделями интерпретации изучаемого материала.

Иначе говоря, реализуются

технологии проблемного обучения– организация образовательного процесса, которая предполагает постановку проблемных вопросов, создание учебных проблемных ситуаций для стимулирование активной познавательной деятельности обучающихся.

6. Самостоятельная работа студентов.

Таблица 3

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Вид самостоятельной работы	Трудоемкость (в академических часах)
1.	Особенности звуковой системы современного чешского литературного языка.	работа с источниками	4
2.	Система гласных и согласных фонем современного чешского литературного языка.	работа с источниками	4
3.	Супraseгментные средства современного чешского литературного языка.	работа с источниками	6
4.	Орфоэпия современного чешского литературного языка.	работа с источниками	4
5.	Фонетическое и графическое освоение заимствований чешским языком	работа с источниками	4
6.	Чешский язык как западнославянский (фонетика)	работа с источниками	8
7.	Чешские согласные в исто-	работа с источ-	8

	рическом освещении	никами	
8.	Чешские гласные в историческом освещении	работа с источниками	8
9.	Фонетические особенности основных чешских территориальных диалектов	работа с источниками	8

7. Компетентностно-ориентированные оценочные средства

Средства оценивания:

1). Диагностирующий контроль

Вопросы к зачету:

1. Особенности звуковой системы современного чешского литературного языка.
2. Система гласных фонем современного чешского литературного языка.
3. Система согласных фонем современного чешского литературного языка
4. Чешские энклитики и проклитики.
5. Литературный чешский язык.
6. Каденции.
7. Произносительные стили современного чешского языка
8. Общие принципы фонетического освоения иноязычного слова.
9. Наиболее частые дефекты произношения чешских гласных.
10. Наиболее частые дефекты произношения чешских согласных.
11. Особенности фонетического и графического освоения иноязычных географических названий и личных имен.
12. Правила транслитерации кириллицы и чтение транслитерированных русских, украинских, болгарских топонимов и антропонимов.
13. Основные правила чтения испанских, итальянских, венгерских топонимов и антропонимов.
14. Основные правила чтения английских, немецких, французских топонимов и антропонимов.
15. Основные правила чтения польских, словацких, хорватских топонимов и антропонимов.
16. Системы транскрипции, принятые в современной богемистике.
17. Чешские согласные в историческом освещении
18. Чешские гласные в историческом освещении
19. Фонетические особенности собственно-чешского койне (obecná čeština)

20. Фонетические особенности центрально-моравских (ганацких) говоров.
21. Фонетические особенности восточно-моравских говоров.
22. Фонетические особенности силезских говоров.
23. Фонетические особенности периферийных собственно-чешских чешских пограничья.
24. Фонетические особенности говоров чешско-польского пограничья.

Образец текста для фонетического анализа:

V Lichnovje sobje vzal chudobny chasník bohatu ropku.¹ Hrubje s nim narabjala,² eš³ se pustila do něho a vyhaňala ho. Chlap sy najpre⁴ myslel: Co by otchođil?⁵ A potom zase mu vyčytala, co je jeho a_cy zeber e a at tahňe. Chasník sy doňez_edem⁶ šaty a do pinklika⁷ spakoval. Davał na ňu pozor, a jak šla, mjela ocasky⁸ viseť. Drapňe pinkel ze šatama a robu za ocasek a drap s ňu přez rameno a do dveřych se bral furt.⁹ Roba řvala, ađ ju pusťi, ale un ňic: Tyz mi řekla a_cy vemu co je mojiho, a ty sy tež moja, toš po¹ ce mnu. ženu² špatně s ním nakládala³ až⁴ nejprve⁵ proč bych odcházel⁶ jenom⁷ do uzlíku⁸ copy⁹ pryč

2). Текущий контроль

Формами осуществления текущего контроля являются контрольные опросы (устные и письменные), тестирование, коллоквиум.

Таблица 4

№п /п	Наименование раздела дисциплины	Средства текущего контроля
1.	Особенности звуковой системы современного чешского литературного языка.	контрольный опрос
2.	Система гласных и согласных фонем современного чешского литературного языка.	контрольный опрос
3.	Супрасегментные средства современного чешского литературного языка.	контрольный опрос
4.	Орфоэпия современного чешского литературного языка.	контрольный опрос

5.	Фонетическое и графическое освоение заимствований чешским языком	контрольный опрос
6.	Чешский язык как западнославянский (фонетика)	контрольный опрос
7.	Чешские согласные в историческом освещении	контрольный опрос
8.	Чешские гласные в историческом освещении	контрольный опрос
9.	Фонетические особенности основных чешских территориальных диалектов	контрольный опрос

8. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

- а) основная литература и б) дополнительная литература см. Литература / References
 в) мультимедийные средства:

г) Интернет-ресурсы

<http://www.philol.msu.ru/~slavphil/stud.html>

<http://elibrary.ru/>

<http://www.korpus.cz/>

9. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Основная литература доступна студентам в оцифрованном виде на открытых интернет-ресурсах.

Литература / References

1. *Изотов А.И.* Материалы к «Чешской грамматике» // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 42. Москва: МАКС Пресс, 2011.
2. *Изотов А.И.* Самоучитель чешского языка. Уровни А1-А2. Москва: Филоматис, 2016.
3. *Широкова А. Г.* Чешский язык. М.: Изд. лит. на иностр. языках, 1961. 352 с.
4. Příruční mluvnice češtiny. Vydání 2. / Eds. *P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1996. 800 s.
5. Mluvnice češtiny (1). Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfejka. Tvoření slov. Praha, 1986. 568 s.
6. Vývoj českého jazyka a dialektologie / *Fr. Čuřín, Bř. Koudela, A. Mátl, Fr. Svěrák*. Praha: SPN, 1964. 210 s.

**ПРОГРАММА ПО ПОЛЬСКОМУ ЯЗЫКУ
ДЛЯ АСПИРАНТСКИХ ГРУПП
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
(КУРС ПО ВЫБОРУ)**

В.Г. Кульпина

**THE SELECTIVE COURSE OF POLISH LANGUAGE
FOR POST-GRADUATE HISTORIANS' GROUPS: SYLLABUS**

V.G. Kulpina

ABSTRACT:

The syllabus maintains the conception of the elective course "Polish for post-graduate historians' groups", which is destined for general scientific and professional competences' development in the sphere of foreign language teaching. The course is based on methodological principles of Russian professional linguodidactics and the methods of scientific knowledge objectification by means of foreign language.

Keywords: syllabus, elective course, scientific competences, professional competences, LSP linguodidactics, scientific knowledge objectification, Polish language

АННОТАЦИЯ:

Программа содержит концепцию изучения курса по выбору «Польский язык для аспирантских групп исторического факультета», который предназначен для развития общенаучных и профессиональных компетенций в области изучения иностранного языка. Курс базируется на методологических принципах отечественной профессиональной лингводидактики и методах объективации научного знания средствами иностранного языка.

Ключевые слова: учебная программа, курс по выбору, общенаучные компетенции, профессиональные компетенции, профессиональная лингводидактика, объективация научного знания, польский язык

I. Общие положения курса

Настоящий курс входит в цикл общенаучных дисциплин по выбору, осваиваемых аспирантами в процессе обучения в аспирантуре. В соответствии с данной программой аспиранты осваивают орфографическую, орфоэпическую, лексическую, грамматическую и стилистическую нормы польского языка, необходимые методы объективации научного знания и принципы академического письма на польском языке уровня В. Вырабатываются соответствующие компетенции в чтении научной литературы по исторической специальности и дисциплинам общегума-

нитарного цикла, которые позволяют аспирантам использовать польский язык при написании диссертационного исследования и в научной коммуникации с коллегами из Республики Польша путем усвоения терминологии и клишированных оборотов дисциплин общегуманитарного цикла. В качестве методологической основы преподавания польского языка на историческом факультете применяются принципы отечественной профессиональной лингводидактики.

II. Основные цели курса

Освоение курса дает возможность аспирантам:

1. Расширять понятийно-терминологический аппарат историка и общенаучный кругозор в области понимания общих проблем гуманистики и гуманитарного знания благодаря чтению оригинальной литературы на польском языке, извлекая из неё научно релевантную информацию.
2. Представлять получаемую информацию из польских источников в виде конденсированных текстов на русском языке.
3. Преобразовывать понятийно-терминологический аппарат историка на польском языке в понятийно-терминологический аппарат на русском языке и *vice versa* в эквивалентной форме.
4. Готовить научные доклады на польском языке и вести риторически правильный диалог по теме диссертации.

III. Задачи курса

Для достижения названных целей необходимо решать в течение курса следующие задачи:

1. Обучить принципам понимания научного текста, основам научного перевода и реферированию текстов по исторической специальности в соответствии со специализацией аспирантов на основе усвоения приемов перевода и реферирования текстов по специальности.
2. Обучить умению вычленять из текста термины и составлять терминологические словари по разным направлениям специализации и работы с текстами по специальности.
3. Обучить умению точного контекстного использования общенаучных терминов применительно к данной отрасли исторической науки.
4. Обучить умению анализировать языковые особенности исторического нарратива.
5. Обучить необходимым навыкам академического письма на польском языке, умению правильного оформления публикаций в периодических изданиях Республики Польша.

6. Обучить стандартам речевого поведения в ходе конференций, ведения корреспонденции на польском языке и другим типам научной коммуникации с коллегами из Республики Польша.

IV. Профессиональные компетенции аспиранта применительно к настоящему курсу

1. Умение читать и понимать научный исторический текст на польском языке, вычленив в нем термины и терминологические сочетания.

2. Умение выделить в польском тексте ключевые слова.

3. Умение составить резюме текста своей публикации на русском и польском языках.

4. Умение составить дефиницию польского исторического термина на русском языке.

5. Умение составить реферат польского текста на русском языке. Возможно задание составить реферат польского текста на польском языке и реферат русского текста на польском языке.

6. Умение понять и проанализировать требования к публикациям, представленные в польских изданиях, и оформить статью для публикации в Республике Польша в соответствии с предъявляемыми требованиями.

7. Умение работать с традиционными и новейшими информационными средствами и системами.

8. Умение использовать приобретенный понятийно-терминологический аппарат в научной и методической работе.

V. Лингвостилистические и лексико-грамматические основания курса

1. Морфологические особенности научных текстов: 1.1. Глагольные формы особо частотных глаголов изъявительного, повелительного и сослагательного наклонений, характерные для научного стиля. 1.2. Глаголы с приставками, выступающими преимущественно в научном дискурсе. 1.3. Предлоги, выступающие только в научном тексте. 1.4. Средства модальности, характерные для научного текста. 1.5. Структурные типы аббревиатур, характерные для исторического дискурса. 1.6. Некоторые особенности члестеречного наполнения научных текстов.

2. Лексико-семантический состав научного исторического дискурса. 2.1. Исторические термины и терминологические словосочетания. 2.2. Общенаучные термины, фиксирующие гносеологический процесс в различных научных дисциплинах и отражающие общие закономерности научной деятельности. 2.3. Многозначная лексика общелитературного языка и неоднозначное употребление исторических терминов.

нов. 2.4. Ономастическая лексика: названия городов и стран – современных и исторических, названия исторических событий, имена исторических личностей, имена и открытия известных ученых в истории и современности.

3. Тематический состав клишированных оборотов научной речи.

3.1. Постановка научной проблемы. Описание объекта исследования. 3.2. Экземплификация. 3.3. Изложение научных взглядов. 3.4. Средства формирования дискурса и скрепления текста. 3.5. Ссылки на другие высказывания, традиции, события, явления. 3.6. Выражение оценки мнения, эмоционального и критического отношения. Привлечение внимания к проблеме. 3.7. Дискуссия. 3.8. Выводы. 3.9. Цитации. Афоризмы мыслителей. Использование в польском научном дискурсе изречений на латыни.

4. Стилистика научной речи. 4.1. Научный стиль. Подстили и жанры. Норма в научном стиле речи. Монографии, статьи в научных журналах, статьи в сборниках, обзоры, хроникальные заметки, рефераты, рецензии, аннотации. Отличия в классификации научных жанров в польском и российском научных сообществах. 4.2. Научно-популярный стиль. Подстили и жанры. Особенности научно-популярного жанра: Норма в научно-популярном жанре. 4.3. Научно-дидактический стиль. Подстили и жанры. Норма в научно-дидактическом жанре. Учебно-методические комплексы, учебники и учебные пособия, справочники, энциклопедии, словари, инструкции, рекомендации и др. 4.4. Особенности польского исторического нарратива на примере текстов историков разных поколений (например, Михала Бобжиньского и Войцеха Вжосека).

5. Подготовка к публикации научных работ в научных периодических изданиях и сборниках в Польше. 5.1. Требования к этической стороне публикаций, предъявляемые научным сообществом в журналах Республики Польши. 5.2. Соблюдение стилистической нормы в научных периодических изданиях Республики Польши. 5.3. Требования к оформлению научных работ. 5.4. Основные отличия от требований в научных периодических изданиях в России. 5.5. Возможный разброс в требованиях к оформлению публикаций в периодических изданиях Польши.

6. Подготовка к участию в конференциях на территории Республики Польши. 6.1. Информационный поиск. 6.2. Оформление заявки на конференцию. 6.3. Формы вежливости в научной коммуникации.

7. Темы общегуманитарного цикла по текстам из: Кульпина В.Г. Пособие по польскому языку для студентов гуманитарных факультетов. 7.1. Аксиология по тексту „Człowiek a świat wartości” ‘Человек и мир ценностей’. 7.2. Смысл жизни по тексту „Postawy młodzieży wobec sensu

życia” ‘Отношение молодежи к смыслу жизни’. 7.3. Проблемы экологии по тексту „Morze Bałtyckie to wspólne dobro” ‘Балтийское море как общее благо’. 7.4. Теория систем по тексту „Konsercja terytorialnego systemu społecznego” ‘Концепция территориальной общественной системы’. 7.5. Научно-технический прогресс по тексту „Postęp nauki i techniki jako wyznacznik przemian” ‘Прогресс науки и техники как показатель перемен’.

VI. Некоторые принципы организации учебного процесса

1. Виды работ в течение всего семестра. 1.1. Перевод материалов по темам диссертаций аспирантов. 1.2. Обсуждение и реферирование материалов по темам диссертаций аспирантов. 1.3. Составление письменных рефератов по темам диссертаций аспирантов.

2. Виды заданий. 2.1. Составление ключевых слов польского исторического текста, представленного в письменной форме. 2.2. Составление ключевых слов польского исторического текста, предъявленного на слух. 2.3. Составление резюме доклада на конференции. 2.4. Составление дефиниции польского исторического термина. 2.5. Подготовка на русском языке письменных рефератов по теме диссертации на материале польской научной исторической литературы.

VII. Рекомендуемая научная и дидактическая литература

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во МГУ, 2004. 544 с.

Кульпина В.Г. Пособие по польскому языку для студентов гуманитарных факультетов. М.: Издательство Московского университета, 1992. 89 с. [электронный вариант доступен в РИНЦ].

Кульпина В.Г. Программа курса «Теория и методы изучения научной речи» // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 168–173.

Кульпина В.Г. Польско-русский общенаучный словарь: Более 5 000 терминов, выражений и речевых клише: С введением в общенаучную терминологию / Отв. ред. В.А. Татаринев. М.: Московский Лицей, 2007. 304 с. (Библиотека журнала «Русский Филологический Вестник». Т. 47. (электронный вариант доступен в РИНЦ).

Кульпина В.Г. Очерки по ономастическому переводу и лингводидактике. Warszawa: BEL Studio, 2013. 160 с. (Международная библиотека журнала «Славянское терминоведение». Главный редактор серии Виктор А. Татаринев. Том 3).

Кульпина В.Г., Татаринев В.А. Теория специального и художественного перевода (программа спецсеминара) // Славянские языки и культуры: учебные программы / МГУ им. М.В. Ломоносова. Факультет

иностр. языков и регионоведения; отв. ред. О.Н. Шапкина, В.В. Белоусова. М., 2010. С. 221–235.

Кульпина В.Г., Татаринов В.А. Средневековая польская культура в универсально-энциклопедическом измерении [Рец. на кн.: Przyrowski Z. *Popularna encyklopedia staropolska*. Warszawa: Future, 1998. 348 s.] // Русский Исторический Вестник. М.: Московский Лицей, 1999. Т. 2. С. 230–233.

Сорокин Ю.А. Переводоведение: Статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 160 с.

Татаринов В.А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь / Российское терминологическое общество РоссТерм. М.: Московский Лицей, 2006. 528 с. (Библиотека журнала «Русский Филологический Вестник». Т. 44) [электронный вариант доступен в РИНЦ].

Татаринов В.А. Методология научного перевода. М.: Московский Лицей, 2007. 384 с. (Библиотека журнала «Русский Филологический Вестник». Т. 46) [электронный вариант доступен в РИНЦ].

Gajda S. *Współczesna polszczyzna naukowa. Język czy żargon?* Opole: Instytut Śląski w Opolu, 1990. 140 s.

Markiewicz H., Romanowski A. *Skrzydlate słowa. Wielki słownik cytatów polskich i obcych*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. 1216 s.

VIII. Источники и исторические тексты

Bobrzyński M. *Dzieje Polski w zarysie / Pod redakcją Mariana Henryka Serejskiego*. Warszawa: PIW, 1974, 496 s. (Seria: Klasycy historiografii polskiej).

Kurkiewicz W., Tatomir A., Żurawski W. *Tysiąc lat dziejów Polski: Chronologiczny przegląd wydarzeń*. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1980. 280 s.

Wrzosek W. *O myśleniu historycznym*. Bydgoszcz: Oficyna Wydawnicza Epigram, 2009. 144 s.

Przyrowski Z. *Popularna encyklopedia staropolska*. Warszawa: Future, 1998. 348 s.

Świat historii. Prace z metodologii historii i historii historiografii dedykowane Jerzemu Topolskiemu z okazji siedemdziesięciolecia urodzin / Pod redakcją Wojciecha Wrzoska. Poznań: Instytut Historii UAM, 1998. 439 s.

АВТОРЫ ВЫПУСКА / AUTHORS

Изотов Андрей Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры контрастивной лингвистики факультета иностранных языков Московского педагогического государственного университета

e-mail: a.i.izotov@mail.ru

Изотова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: a.a.izotova@mail.ru

Кульпина Валентина Григорьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Мироненко Екатерина Александровна – филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: eka.mironenko@gmail.com

Новоселова Анастасия Алексеевна – филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: anastasia.nowoselowa2011@yandex.ru

Филиппова Маргарита Михайловна кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: philippova_marga@mail.ru

Фролова Ольга Евгеньевна – доктор филологических наук, руководитель межкафедральной лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: olga_frolova@list.ru

Щенникова Евгения Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник межкафедральной лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

schevos@mail.ru